

КОСТЁР

ISSN 0130-2574

2

ФЕВРАЛЬ 1984



КОСТЁР

2
ФЕВРАЛЬ
1984

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

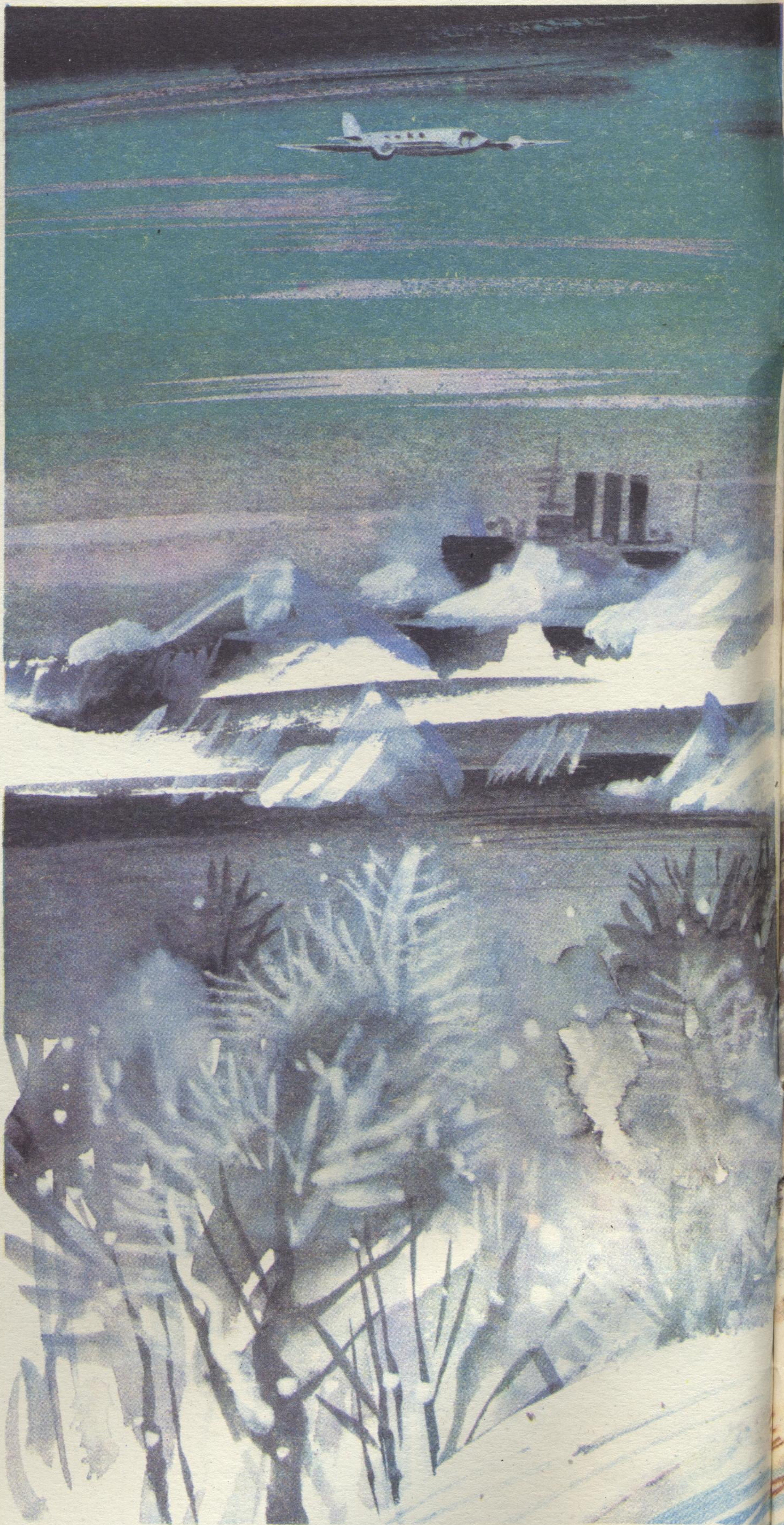
Издается с 1936 года

© «Костер», 1984 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

- | | |
|---|-----------|
| В тундре
очерк А. Пирожкова | 4 |
| Морская газета | 10 |
| Идем по Новой Земле
очерк Б. Михайлова | 12 |
| Ледовый мост
очерк Ю. Парамонова | 15 |
| Зеленая спортивная сумка
рассказ Л. Куклина | 17 |
| Зеленые страницы | 20 |
| Приоткрытая дверь
К 90-летию со дня рождения
В. В. Бианки
С. Сахарнов | 22 |
| Военрук
рассказы Ю. Калинина | 23 |
| Стихи твоих ровесников | 27 |
| Барабан | 28 |
| Пограничная собака
стихи М. Вейцмана | 33 |
| Дон
рассказ В. Кельбина | 34 |
| Мир — это жизнь
репортаж Т. Скобликовой | 36 |
| Командир ребячьей
республики
очерк Е. Матвеевой | 37 |
| Три брата
африканская сказка | 40 |
| Веселый звонок | 44 |
| Арчбек | 46 |
| Кузнечик | 47 |

На обложке
рисунок А. Ежелина



БЫТЬ ПЕРВЫМ

Освоение Арктики и Антарктики — одна из самых волнующих и героических страниц в истории географических открытий.

Рассказать об освоении полярных районов планеты мы попросили директора Арктического и антарктического научно-исследовательского института, доктора географических наук Бориса Андреевича КРУТСКИХ.

— Борис Андреевич, для нас Арктика — это не просто название на карте, а часть, и довольно большая, нашей страны. Со времен дрейфа «Челюскина» и папанинской экспедиции прошло много лет. Теперь уже на Севере есть города, там живут и работают не только ученые. Выходит, Арктика уже обжита?

— Да, в Арктике живут люди, строятся города, заводы, но это все же не значит, что там все легко дается людям. Нет, Арктика осталась прежней, чтобы добиться чего-нибудь здесь, нужно много сил и времени. Перед полярниками сейчас немало задач. Например, продление как можно дольше навигации в арктическом бассейне. Океан — пока что самая важная дорога в Заполярье. Навигация, то есть время, когда корабли могут ходить, не рискуя быть затертыми льдами, сейчас продолжается 4—5 месяцев в году.

— А это мало или много? В двадцатые годы ведь длительность навигации на отдельных участках Севморпути была в лучшем случае полтора месяца.

— По сравнению с двадцатыми или даже с тридцатыми годами — это, конечно, много. Но равняться на то, как было сорок лет назад, нельзя. В Арктике нужно равняться только на будущее. Сейчас, когда техника развивается так стремительно, удастся совершить то, чего еще никогда никому не удавалось.

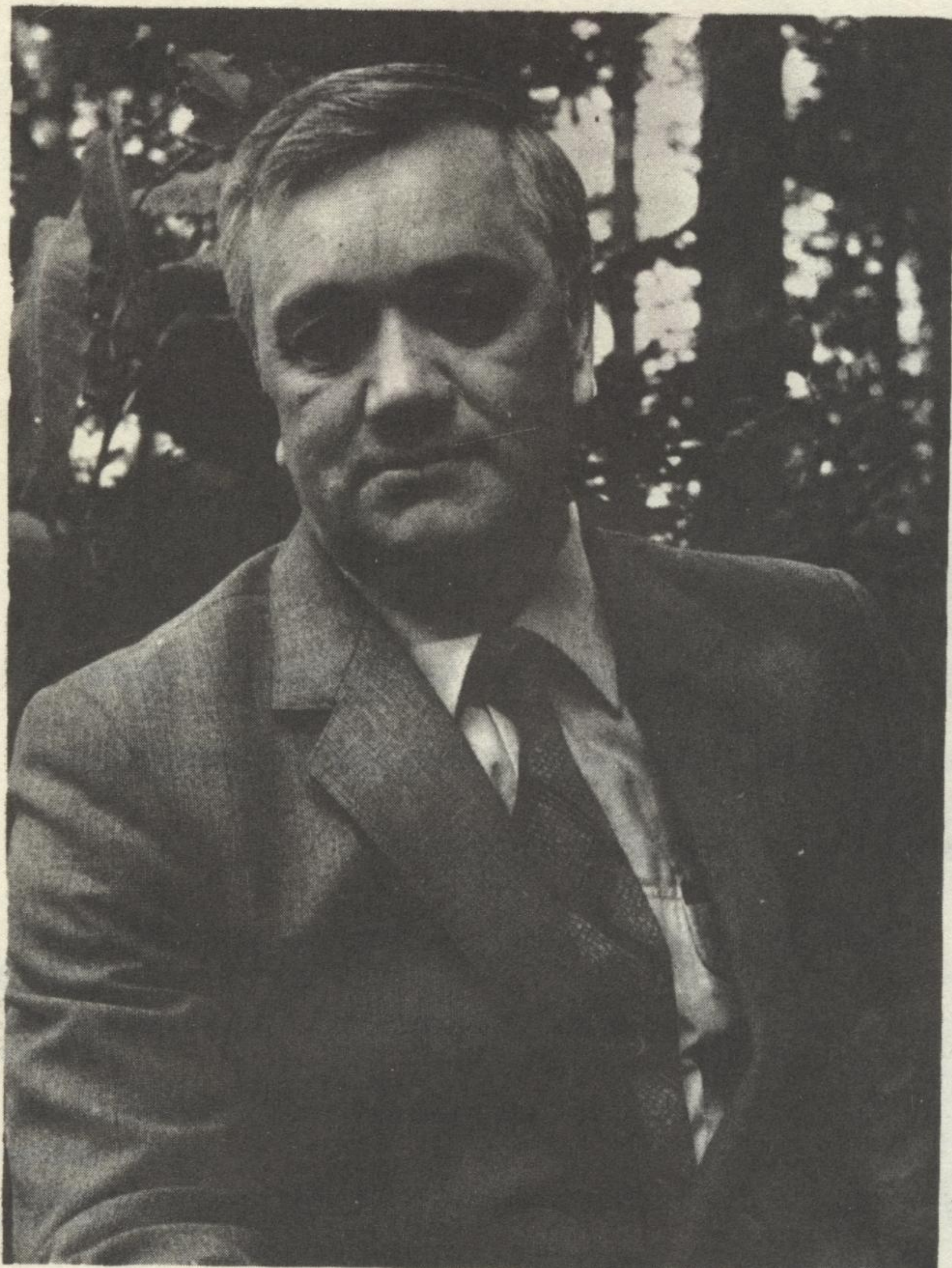
...В воротах Азии, в объятиях метели,
Где сосны в шубах и в тулупах ели, —
Несметные богатства затая,
Лежит в сугробах родина моя.

А дальше к Северу, где океан полярный
Гудит всю ночь и перпендикулярный
Над головою поднимает лед,
Где, весь оледенелый, самолет
Свой тяжкий винт едва-едва вращает
И дальние зимовки навещает, —
Там тень «Челюскина»...

Но люди мужества, друзья, не умирают!
Теперь, когда над нашей головой
Стальные вихри воздух рассекают
И пропадают в дымке голубой,
Когда, достигнув снежного зенита,
Наш флаг над полюсом колеблется, крылат,
И обозначены углом теодолита
Восход луны и солнечный закат.

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

Рисунок В. Топкова



Наши успехи в Арктике связаны в основном с более глубоким познанием ее природы и с появлением новых мощных ледоколов, особенно атомных — их у нас сейчас три. Им не страшны любые льды и любая погода. В 1977 году атомный ледокол «Арктика» дошел до Северного полюса. А в 1978 году атомоход «Сибирь» провел с запада на восток через льды высоких широт (не вдоль берегов, а прямо через полярный бассейн по кратчайшему пути) дизель-электроход «Капитан Мышевский» — это была первая в истории мореплавания высокоширотная проводка транспортного судна. И теперь главная задача моряков, работающих в Арктике, — установление круглогодичной, непрерывной навигации.

— **Навигация, корабли, самолеты.. Но ведь есть места, куда не дойдет ни один корабль. Люди все еще ездят там на собачьих упряжках и оленях.**

— Собачьи и олени упряжки еще не устарели, жители Заполярья — якуты, чукчи, ненцы — по-прежнему считают их лучшим транспортом в тундре. Но, конечно, чтобы ездить в научные экспедиции или разведывать полезные ископаемые, нужны новые мощные машины. Раньше в Арктике можно было идти сотни километров и никого не встретить, теперь же во многих местах на побережье проложены железные и автомобильные дороги, а самолеты летают из больших городов в самые далекие северные поселки. Над дальнейшим развитием транспорта работа-

ют сейчас многие институты страны, в том числе и наш. Транспортная сеть Севера должна стать ступенью в двадцать первый век.

— **Иначе, наверное, нельзя. Ведь на Севере сейчас так много строится, разведаны огромные запасы природных богатств.**

— Да, здесь построены за последние годы три новых ГЭС, Кислогубская приливная электростанция, которая работает на приливно-отливной энергии океана, Билибинская атомная ЭС, а также геотермальная станция — она использует тепло внутренней мантии нашей планеты; около десяти теплоэлектростанций, работающих на местном топливе, один из крупнейших в стране Норильский горно-металлургический комбинат. На нем выплавляют из северной руды двадцать пять различных цветных металлов. Строятся новые заводы и фабрики по производству тех товаров, которые пока что привозятся. Северные запасы леса, угля, нефти, газа составляют большую часть общесоюзных запасов.

— **Борис Андреевич, среди сотрудников Вашего института, наверное, много полярников, тех, кто проводит зимовки в Арктике или Антарктике. Где сейчас они?**

— Работают в Центральной Арктике на дрейфующих станциях СП-25 и СП-26. В высокоширотной воздушной экспедиции «Север», на различных научно-исследовательских судах.

Вообще за последние годы люди продвигаются на Север все дальше и дальше. Облик Арктики меняется очень быстро. Вчера еще здесь были лишь небольшие поселки оленеводов, сегодня — современные города со стотысячным населением, огромные промышленные предприятия, продукция которых имеет значение для всей страны; для изучения полярных районов создан целый институт...

— **Борис Андреевич, каков он, наш современный полярник?**

— Прежде всего, человек, работающий в Арктике или Антарктике, должен быть мужественным и преданным тому делу, из-за которого он туда поехал. Ведь условия в полярных районах очень тяжелые. Вьюги, морозы под пятьдесят градусов — там это обычная погода. Поэтому, чтобы стать полярником, нужно сперва очень хотеть этого, готовить себя физически, закаляться. Но и закалка, и богатырское здоровье сейчас уже недостаточны для того, чтобы работать на полюсах. Полярник должен быть образованным, много знать. Нужна находчивость, смекалка, ведь на полюсе могут быть любые неожиданности.

— **Борис Андреевич, ну, предположим, человек готов ко всему этому, уже точно выбрал себе дорогу. Как он может получить профессию, нужную в полярных районах, и какие вообще там нужны профессии?**

— На Крайнем Севере или Крайнем Юге планеты нужна любая профессия. Там работают био-

логи и физики, астрономы, метеорологи, океанологи, радисты, водители вездеходов и повара. Чтобы получить эти специальности, нужно окончить соответствующий институт или техникум. А есть еще Ленинградское арктическое училище, высшее инженерное морское училище имени Макарова, мореходные школы. В них готовят людей специально для работы в Арктике и Антарктике.

— **Со времен первых экспедиций на Северный и Южный полюса прошло уже много лет. А как выглядят сейчас полярные экспедиции и станции?**

— Полюса — это полюса, климат и природные условия там не изменились, но условия работы и жизни полярников и в Арктике и в Антарктике сейчас намного лучше, чем, скажем, были на станции «Северный полюс-1» у папанинцев. Зимовщики живут в разборных домиках, которые доставляются самолетами и мощными ледоколами, они всегда связаны по радио с Большой землей и остальными экспедициями. Если что-нибудь случится, на помощь придут другие полярники, самолеты и корабли ледового флота. Да и вообще в последнее время полюс не кажется уже таким далеким и опасным.

— **Борис Андреевич, Ваш институт занимается и Антарктидой. Ее начали осваивать сравнительно недавно. Что удалось сделать за это время?**

— Во-первых, об отличиях Арктики и Антарктики. Антарктида — это место, где климат еще суровей, чем в Арктике. На станции Восток в июле прошлого года была отмечена самая низкая температура на Земле — 89,3 градуса ниже нуля. Но Антарктида — не только «Полюс холода». В прибрежных ее районах часто бушуют такие бури и ураганы, когда скорость ветра бывает более 200 километров в час. Поэтому Антарктида еще и «Полюс ветров».

Наши полярники с 1956 года проводят там научные исследования. Почти за тридцать лет работы мы организовали 14 станций, из них сейчас работают семь: Молодежная, центр советских антарктических исследований, станции Мирный, Восток, Новолазаревская, Беллинсгаузен, Ленинградская и Русская. Важная форма работы в Антарктиде — санно-гусеничные походы по всему континенту. Их участниками пройдено за два десятка лет около 120 тысяч километров. Ученые изучают ледники Антарктиды, ее животный мир, погоду, климат, растения, которые там, кстати, тоже есть.

Полярники в Антарктиде живут в больших домах с центральным отоплением, электричеством, канализацией. У них есть много техники — самолеты, вертолеты, тракторы, тягачи, вездеходы. Установлена линия Аэрофлота Москва—Антарктида, по ней перебрасывают на ледяной континент смены зимовщиков и необходимые грузы.

— **Антарктида обжита, изучена... И все же, наверное, полярники открыли далеко не все?**

— Нет, нет, конечно, там открыто очень много, но загадок и тайн Антарктида хранит не меньше.

Ученые часто открывают такое, о чем совсем недавно никто и подумать не мог. Например, ледники Антарктиды. Их изучали ученые-гляциологи, ведь в ледниках материка содержится самое большое количество пресной воды на планете. Но теперь антарктическими ледниками неожиданно заинтересовались и палеонтологи — люди, изучающие далекое прошлое Земли! Миллионы лет назад в Антарктике климат был жарким — не удивляйтесь! — там жили многие тропические животные и птицы. Но климат изменился, Антарктида стала покрываться льдом, и все они исчезли. Из-за холода и льдов останки древних животных, растений и птиц прекрасно сохранились. Поэтому перед учеными здесь — огромное количество интереснейшего материала. А айсберги, отколовшиеся от ледников! Существует несколько проектов, как использовать их для нужд человека. Ведь пока что они только — опасность на морских дорогах. Есть предложение буксировать айсберги в засушливые районы, а там получать из них питьевую воду. Это, правда, не географическое открытие, а скорее технический проект, но удивительный, и, главное, очень нужный.

И в заключение хотел бы сказать: работа в Арктике и Антарктике нелегка, а порой и опасна, но этот суровый труд позволяет человеку чувствовать себя первопроходцем. А ведь это замечательно — быть первым!

Записал Д. ЛАЗДАН

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

1928
год.



Ледокол „Красин“ спасает во льдах севернее Шпицбергена остатки итальянской экспедиции Умберто Нобиле.



В ТУНДРЕ

А. ПИРОЖКОВ

Рисунки В. Топкова

Наверное, самое тяжелое время в тундре — дождь. Старик Ноготысый выглянул из чума, долго шурился на далекие сопки.

— Однако, до утра мокро будет, — сказал он и забрался под оленью одеяло. Молодые пастухи говорили, что в дождливую погоду старый ненец может спать сутками, зато в ясные дни сутками дежурит в оленьем стаде. Прикорнет на минуту-другую, но тут же проснется, как только тяжелая трубка из норвежского фарфора вывалится изо рта в подол малицы.

Я завидую Ноготысию, что он может спать с утра до вечера. Я же давно выспался и те-

перь маюсь в чуме без дела — пляюсь в прорезь брезента на дождь, пытаюсь не попадать помогать хозяйке готовить обед. В такие минуты особенно чувствуешь свою праздность и неумелость. Это тем более угнетает, что никто из ненцев не сидит сложа руки. Даже во время кочевков, в короткие минуты привалов, пастух достанет из-за пазухи, скажем, кусочек лосиного рога и начнет потихоньку скоблить ножичком. Когда придем к новому стойбищу, глядишь, в ладонях у него уже обрисовывается рукоять ножа или костяное кольцо для упряжи, или симпатичная такая лопаточка. Насади ее на палку — и очень хорошая выйдет

выбивалка: в зимнюю пору выколачивать снежную пыль из малицы.

Мне даже кажется иногда, что ненцы ждут не дождутся дождичка, чтобы без помех завершить начатое дело. Для девчонок ненастье — время рукоделья. Сидят полукругом, сшивают кусочки камуса оленьей жилой, выстригают из цветного сукна замысловатые полосочки, чтобы затем вставить их в праздничную паницу. У одной дело что-то на месте стоит — все хихикает да перешептывается. Старая ненка взяла белое куропачье крылышко, что служит щеткой-сметкой, и, улучив момент, шлепает хохотушку по губам:

— Закрой рот — мышка забежит!

Мальчишки справа от полога распутывают капроновую леску — двое держат ее на растопыренных пальцах, а третий вытягивает из рыбацкой «бороды» свободный кончик. И если вдруг леска соскочит у какого-либо непоседы с руки или затянется новым узлом, начинается веселая потасовка. Мебели в чуме нет — два-три фанерных сундучка не в счет, — вольготно ребята на оленьих шкурах, лишь бы на рацию не завалились да старика Ноготыся не разбудили. Сопят, кричат, пока вдруг не вспомнят снова про леску — уже вконец запутанную...

Через неделю кончатся у них каникулы, притарахтит вертолет из Нарьян-Мара, отвезет в интернат. Вот этот, что помладше, Ананий, в прошлом году отмочил номер. Вертолет прилетел, вся ребятня поднялась по трапу, потом затеяли возню у иллюминаторов, и тут обнаружилось, что нет Анания. Кинулись к становищу, перевернули все вверх дном — нет парня. Две недели искали — на упряжках, на вездеходах, высматривали с вертолетов. А Ананий сбежал к морю и еще на полмесяца продлил себе каникулы — удил хариусов, ловил петлей молодых куропаток, а однажды после шторма набрал на берегу уйму марокканских апельсинов — очевидно, сорвало волной полсотни ящиков с палубы проходящего сухогруза. Ананий по-хозяйски сложил тропические дары огромной оранжевой горой — этот неожиданный ориентир и привлек внимание вертолетчиков. Доставили беглеца вместе с апельсинами в интернат — директор не знал, что делать: ругаться или радоваться...

Так вот значит — сидим мы в чуме и ждем погоды. Вернее, жду я. С моей экипировкой под дождем долго не походишь. Пастушья же одежда мне то узка, то коротка. Но, если говорить по чести, то гардероб ненца удивительно разнообразен и практичен. Когда тепло — можно надеть тонкую рубашку из няблюя мехом внутрь. Стало прохладнее — сверху добавля-

ется еще одна рубашка, но уже мехом наружу. Для зимы служит малица с капюшоном — шьют ее из оленьих шкур с густым теплым мехом. От сырости малицу спасает маличная рубаха — из сукна или брезента. Но это еще не все. Поверх малицы в трескучие морозы надевается совик — просторный балахон шерстью наружу. Этот совик при случае заменяет спальный мешок — можно завалиться прямо в сугроб и мирно смотреть разные сны, а снег и ветер пусть сами выясняют свои отношения.

Единственный недостаток такой одежды — ломкость оленьего волоса. Утром, если солнышко, женщины начнут выколачивать постели из шкур — крошечные обломки оленьего ворса летают вокруг серебряным облачком. Два-три года — и шуба лысая. Впрочем, ломкость северного меха имеет и свои преимущества.

Скажем, моя фирменная брезентово-джинсово-хлопчатосинтетическая туристская одежда уже через неделю тундровой жизни так пропотела, загрязнилась, закоржевилась, что я сам себе стал противен. Мне даже чудилось, что чисто плотные оленегонные лайки стали поглядывать в мою сторону с неодобрением. Полез в соседнее озерцо помыться — выскочил как ошпаренный: на дне озера оказался примерзший лед. Все же кое-как сполоснулся, хотя после этого дня три ходил и глотал стрептомицин, чувствуя, как в горле растет шершавый ком ангины.

Вспомнилось из книжки, как в начале века американец Роберт Пири во время похода в Арктику более всего мучился не от тяжести пути, не от лютого мороза и голода, а от... грязи. Север давит человека своими перегрузками. Нехватка кислорода, перепады температур. А отсюда — обильный пот и противная сальность кожи. Пири и его товарищи пробовали протираться спиртом, керосином из примусов, драили друг друга мхом как мочалками, скребли спины ножами, щепочками — все без толку. Ничто не могло, как им казалось, заменить ванну с мылом.

Я жил в тундре больше месяца и удивлялся, что у ненецких пастухов, дежуривших в стаде и месяц, и полтора, кожа на теле чистая и здоровая. Без всякой ванны с мылом. Оказывается, дело в одежде. Вернее, в той самой ломкости меха северного оленя: вместе с кончиками шерстинок удаляются и прилипшие к ним жир и грязь. Только не ленись почаще выколачивать и просушивать свои меховые рубашки. Кстати, в поселке, когда пастухи возвращаются на отдых из тундры, они носят обычные хлопчато-джинсово-синтетические рубашки. И тут уж без бани не обойтись. Дымит каждую субботу.

...За стенкой нашего чума гуляет дождь. Ручной олененок Ягодка, у которого мать загрызли бродячие собаки, заглядывает под полог, пялится на огонь в железной бочке, потом задумчиво пробует пожевать ремешок моего фотоаппарата. Мы сидим на шкурах за низким столиком, макаем свежие лепешки в рыбий жир и слушаем, как брякает колокольчик на шее ездового оленя — кто-то из пастухов отправился на ночное дежурство. Стадо недалеко — ветер иногда приносит топот тысяч копыт и хриплое хорханье оленей-быков. Дождь для стада — короткая передышка от тундрового гнуса — комаров и слепней.

Неделю назад, когда солнце крутилось на небе с утра до вечера, от этих кровососов не было житья. И я еще как на грех неловко пристроил в углу бутылку с ребепином — когда спохватились, вся жидкость уже вытекла. Даже невозмутимый Ноготысь, не склонный замечать чужие промахи, сказал в пространство:

— Однако, комару теперь хорошо будет...

Утром нас мучили мокрецы — мелкие такие горбатенькие комарики на коротких, но крепких ногах. Днем наваливалась мошка — от этих оставались на теле долго не заживающие раны, и даже поднималась температура. В определенный час прилетали мухи-жигалки — глазастенькие, суетливые, с повадками сплетниц. А еще была

златоглазка — франтоватая муха с желтым передничком на брюшке. Потом слепни, оводы... Мне кажется, я запомнил каждого из них «в лицо» — со всеми их хитиновыми переливами и слюдяным трепетанием крыльев. Но все же королем среди этих кровопийц был, конечно, комар. Признаться, к концу своей командировки в тундру я даже зауважал этого трудягу. Он мог работать без передышки — днем и ночью, в жару и холод, в дождь и ведро. Для него не существовали москитные сетки, марлевые пологи, дым головешки или даже стремительная езда в оленьей упряжке. Воздух вокруг терял свою прозрачность, и казалось, что ты плаваешь в мутном аквариуме. Даже зарывшись в оленью постель с головой, я не мог отделаться от ощущения, будто заточен в какой-то немислимый музыкальный ящик — вокруг все звенело, гудело, пело, стонало.

Олени сходили с ума — вдруг начинали носиться кругами, все шире, шире, пока наконец не срывались прочь и не исчезали за сопками. Их иногда находили далеко от чумов, истерзанных, обессиленных.

Спасением были дождь и ве-

тер. Ненцы выбирали для чумов холмы — чтобы ветер обдувал со всех сторон, чтобы сносил насекомых своими струями. Только стремительные огромные слепни могли вступить с ветром в единоборство. Но зато один слепень, как позже я вычитал в специальном справочнике, способен выпить столько кровушки, сколько 70 комаров или 4000 мокрецов.

Но от слепней у ненцев есть древний и простой прием. Посередине площадки расстилается белая оленья шкура. Белый цвет почему-то особенно симпатичен слепням и те плюхаются на шкуру один за другим — как в хорошем аэропорту. Старые ненки и малые ребята специальными лопаточками бьют налетчиков — так, между делом, между играми и разговорами. Дня через два-три слепней уже заметно меньше. Разве прилетят из тридевятого государства какие-нибудь одиночные рыцари удачи. Но и они попадают в простодушную ловушку.

Я так долго рассказываю о тундровом гнусе, потому что он, пожалуй, единственный, кто портил мне впечатление о знойном лете. Хотя, если смотреть здраво, комар — основа

жизни арктической тундры. Его личинками питаются и рыбы, и птица, он пища и спасение для многих существ, основа круговращения природы этих мест. И все же, и все же... Когда я спрашивал у ненцев, какое время года им более всего по душе, неизменно слышал — весна. И солнце есть, и комара нет. Ну, а ребятне, что комар, что нет его — все одно. Бегают себе по тундре, гоняют мяч, стреляют картечью по консервным банкам влет, ловят без счета сигов и хариусов, носятся на нартах, ждут вертолета с кинопередвижкой. И когда придет час уезжать в школу — не стесняются слез. Прильнут носами к иллюминаторам и молча смотрят, как тают внизу островерхие родительские чумы.

...Утром Ноготысый тронул меня за плечо:

— Однако, сухо на улице. В тундру пора. Олешков ловить будем...

В руках у пастухов тынзеи — арканы из прочнейшего витого капрона. Лишь у Ноготысы тынзей сработан по-стародавнему — вырезан из кожи морского тюленя и смазан налимьей печенью.

За ночь олени подошли к самому чумовищу — бродят над озером замшевым табуном. Их щелястые копыта сухо пощелкивают, по звуку — будто макароны ломают. В стаде тысячи полторы оленей — даже смотреть знобко на этот бурелом из рогов. Я невольно замедляю шаг, но табун распадается на два рукава и бурлящей рекой обтекает нас. И на мгновение кажется, что мы в центре стремнины, и поток скоро уж и нас захватит своим крылом, накроет, закружит, понесет неведомо куда в грохоте и хрипе.

Краем глаза вижу, как Ноготысый, приседая по-борцовски, мелким шажком двинулся вперед, и правая рука его с коварной плавностью отвела тынзей за спину. И все же олени уловили этот жест — кинулись в стороны, сшибая друг друга, хорхая и стуча рогами. Но ремнная петля уже затянулась на ком-то, и Ноготысы швырнуло на землю и поволокло по мокрой траве. Два пастуха тоже



метнули свои тынзеи, и скоро я увидел, как бешено бьется в путах красавец-бык. Два лемминга в панике выскочили из ближайших норок и кинулись прочь — от греха подальше...

Потом стреноженный олень лежал на земле, а мы пилили ему рога ножовкой. Ноготысый объяснял:

— Однако, один рог у него как штык торчит. Неправильно, видишь, вырос. Осенью этот хор будет драться с другими быками и многих покалечит. Или совсем убьет...

Весь день мы пробыли в стаде: пилили рога быкам, делали уколы от копытки, отлавливали больных оленей. Вокруг неистовствовали комары. Отмахиваться было бесполезно. Да и потом — от резких движений эти кровопийцы только стервенели. Просто иногда я как бы обмывал ладонями лицо. Руки после этого были в сплошной кроваво-серой каше.

Наши оленегонные лайки перестали работать — гнус донимал и их. Собаки тихо скулили, пробовали прятать морды в мягких болотных кочках.

К обеду все собрались в чумах — под спасительные дымокуры из зеленого ивняка. Мимоходом я глянул в маленькое зеркальце и поскорее положил его обратно — на меня смотрела жуткая чужая физиономия, в каких-то кровавых буграх и потеках. Я плюхнулся в углу — у меня не было сил даже держать чашку чая.

Часа через два пастухи вновь стали собираться в стадо — благо вечерний холод чуть унял комарье. Смотрю, Ананий тоже натянул рабочую малицу, крепко-накрепко подпоясался широким ремнем с медными бляшками. Спереди нож на белой цепочке, сзади — волчий клык на сыромятном шнурке.

— А клык-то зачем? — вяло спрашиваю я.

— В зубах ковырять! — скалится Ананий. Старший брат его Василий дал Ананию легкого тычка — чтоб отвечал старшим как положено. Ведь волчий клык на ремне — символ мужской силы и стойкости. И смешного тут ничего нет.

1932 год.

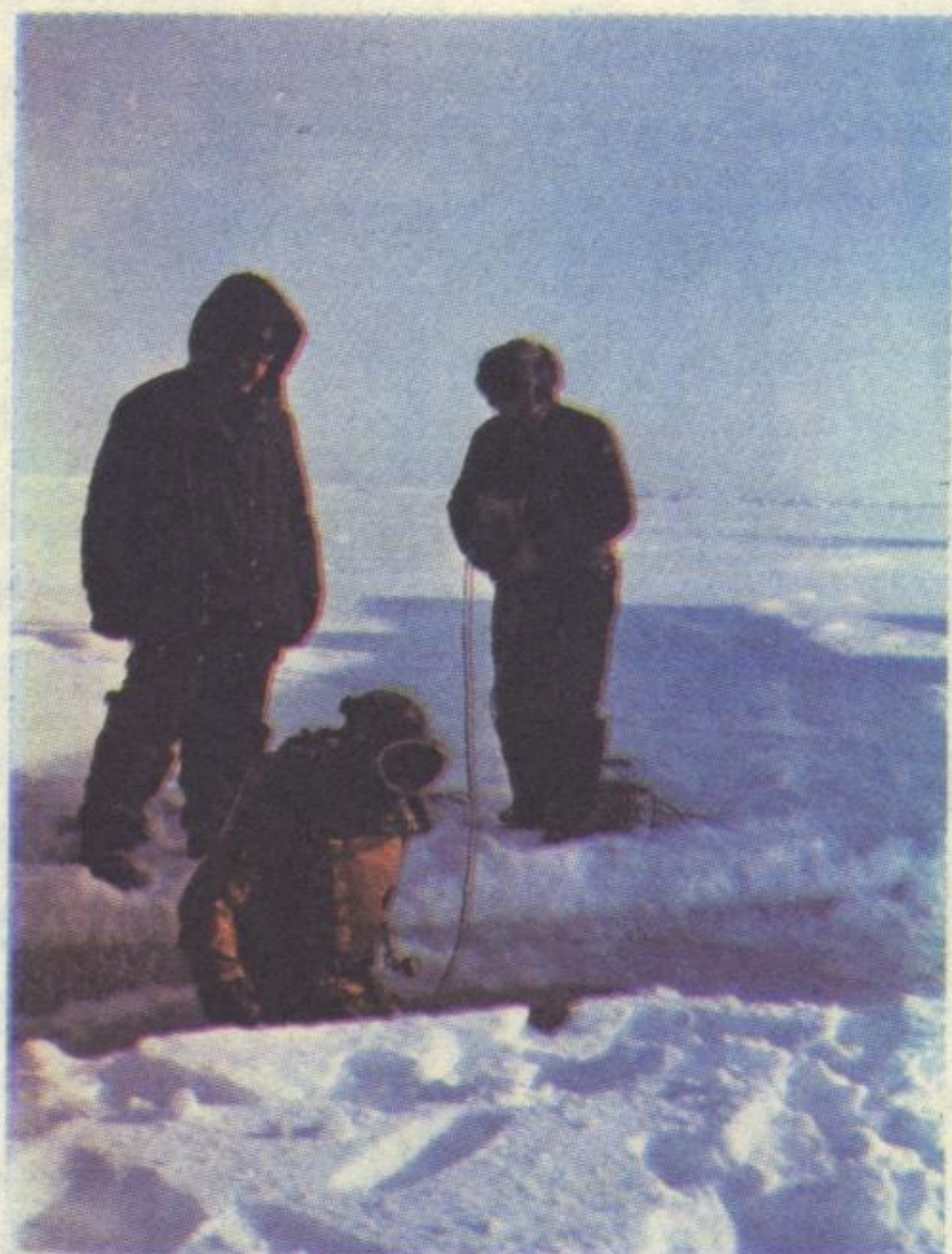


В походной палатке на архипелаге Северная Земля исследователь Арктики Георгий Алексеевич Ушаков и геолог Николай Николаевич Урванцев, первооткрыватель месторождений богатейших норильских руд.

1933 год.



Знаменитый ледовый капитан Владимир Иванович Воронин на капитанском мостике.



В АРКТИКЕ

ПОД ВОДОЙ



Научно-исследовательский ледокол «Отто Шмидт» пришел на север Баренцева моря, ледовыми якорями крепко пришвартовался к огромному полю.

Одним из первых на лед спускаются водолазы. Вот найдена во льду трещина, и под лед уходит Геннадий Кадачигов.

Подводная часть арктического льда, взломанного при столкновении ледяных полей, похожа на торос. Я и водолаз Александр Самошкин измеряем торос. Стоит полярный день, и через трещину проходит достаточно света... А если уплыть подалее под лед, то обязательно понадобится фонарь.

Такие сталактиты можно встретить под арктическими льдами ранней весной. Эти ледяные сталактиты хрупки и поднять их наверх не удастся. Глубина около шести метров.

(Схема). Так оборудуется место проведения длительных подводных исследований на дрейфующих станциях. В толстом льду пробивается лунка,

в ней устанавливается водолазный трап, сверху теплая и светлая палатка, где подводники могут надеть скафандр, отдохнуть и обогреться.

Под лед водолаз берет светильник, капроновые фалы, чтобы полярной ночью в темноте, при сильном подледном течении добраться до нужного

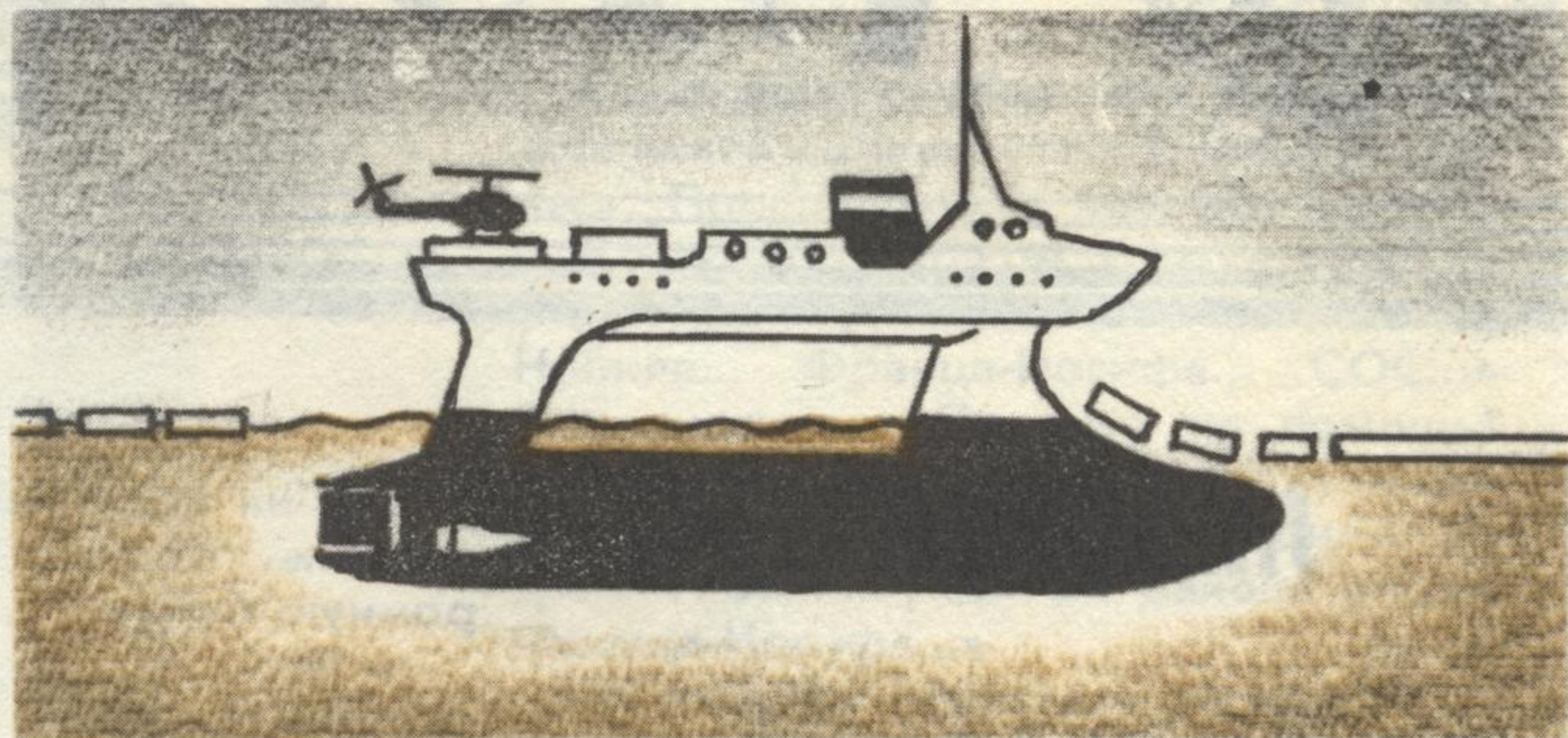
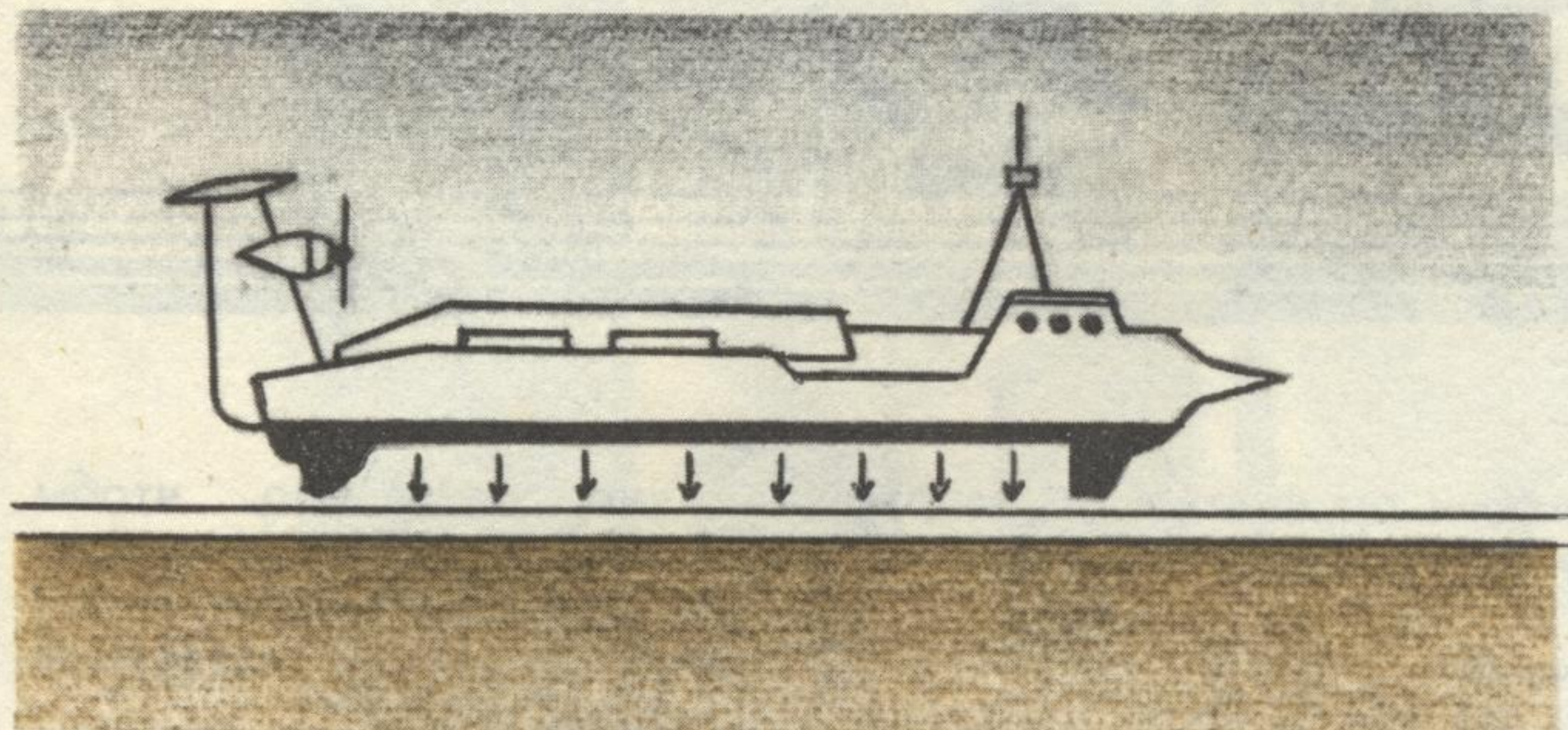


места. Берет небольшой легкий надувной подводный дом — убежище — на случай отказа дыхательного аппарата.

Исследователи видят, как образуется и разрушается лед, наблюдают за жизнью рыб и зверей, изучают гидрофизику приледного слоя.

В. ГРИЦЕНКО,
научный сотрудник
Арктического и антарктического
научно-исследовательского института
Фото и рисунок автора

КАК БУДУТ ПЛАВАТЬ ВО ЛЬДАХ ЗАВТРА



Медленно пробивается через торосистые льды караван судов. Впереди — ледокол, идет, подминая под себя лед. Если встретится особо толстая льдина — отойдет, разбежится, вылезет на нее до половины. Не выдержала льдина, с грохотом, со скрипом разошлась, лопнула, ушла под корпус ледокола...

Ну, а как будет завтра? Что за чертежи лежат на столах тех людей, кто уже сегодня задумывается над задачами плавания в Арктике через десять, двадцать, тридцать лет?

Вот о чем мечтают инженеры, вот какие проекты они предлагают сегодня.

Известно, что один ледокол в тяжелых льдах идет раза в два-три быстрее, чем если он ведет за собой караван судов. А что если и пустить ледокол в одиночку, а груз спрятать под воду? Вот этот проект: на буксире у ледокола подводная лодка-танкер.

Ну, а если баржа — самоходная? Тогда это уже подводный транспортный корабль — подледный танкер. Работы по созданию подледных атомных

танкеров в ряде стран уже начались, правда, специалисты говорят, что раньше 2000 года они закончены не будут, а значит, если и появится в Арктике такая «чудо-подводная лодка», то это произойдет лишь в XXI веке.

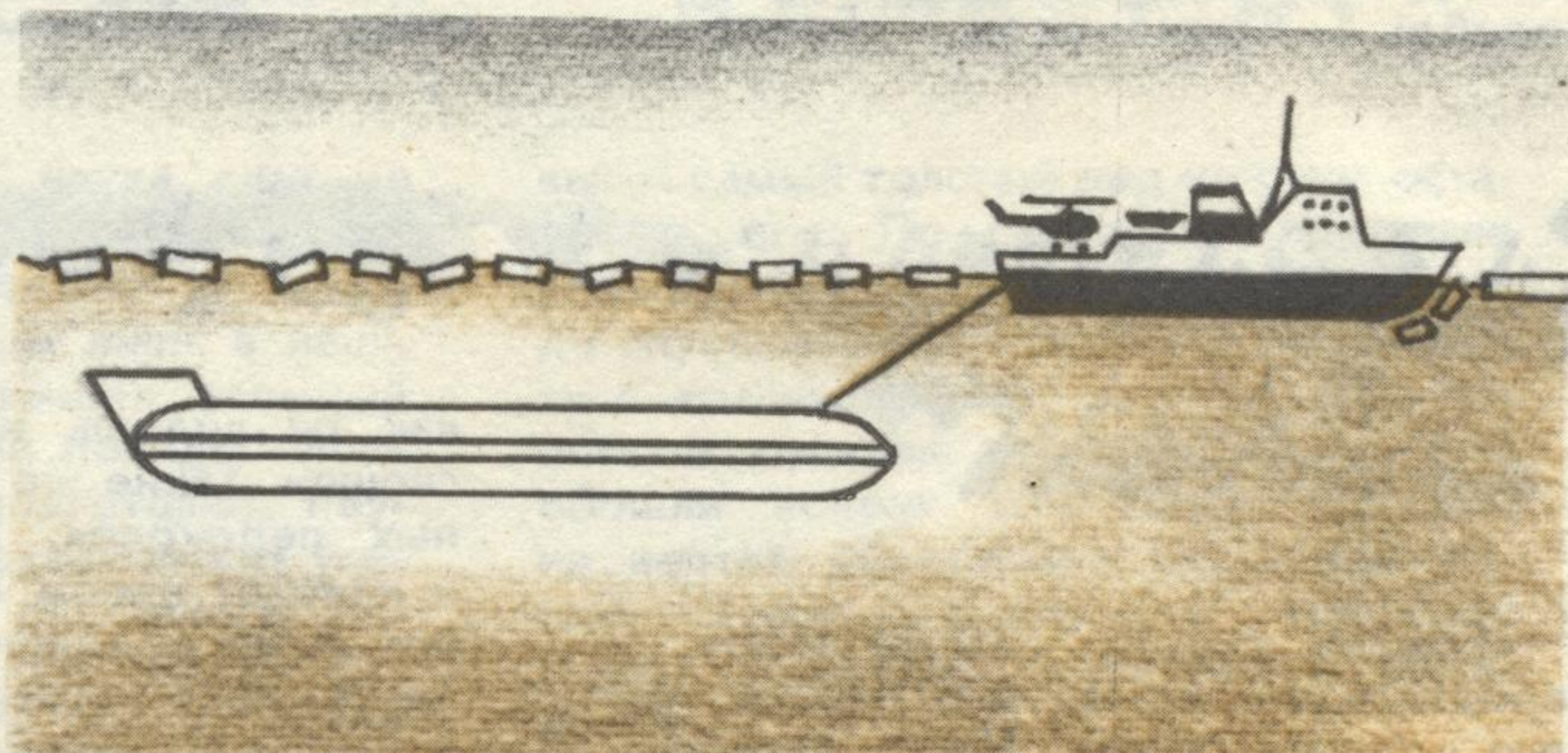
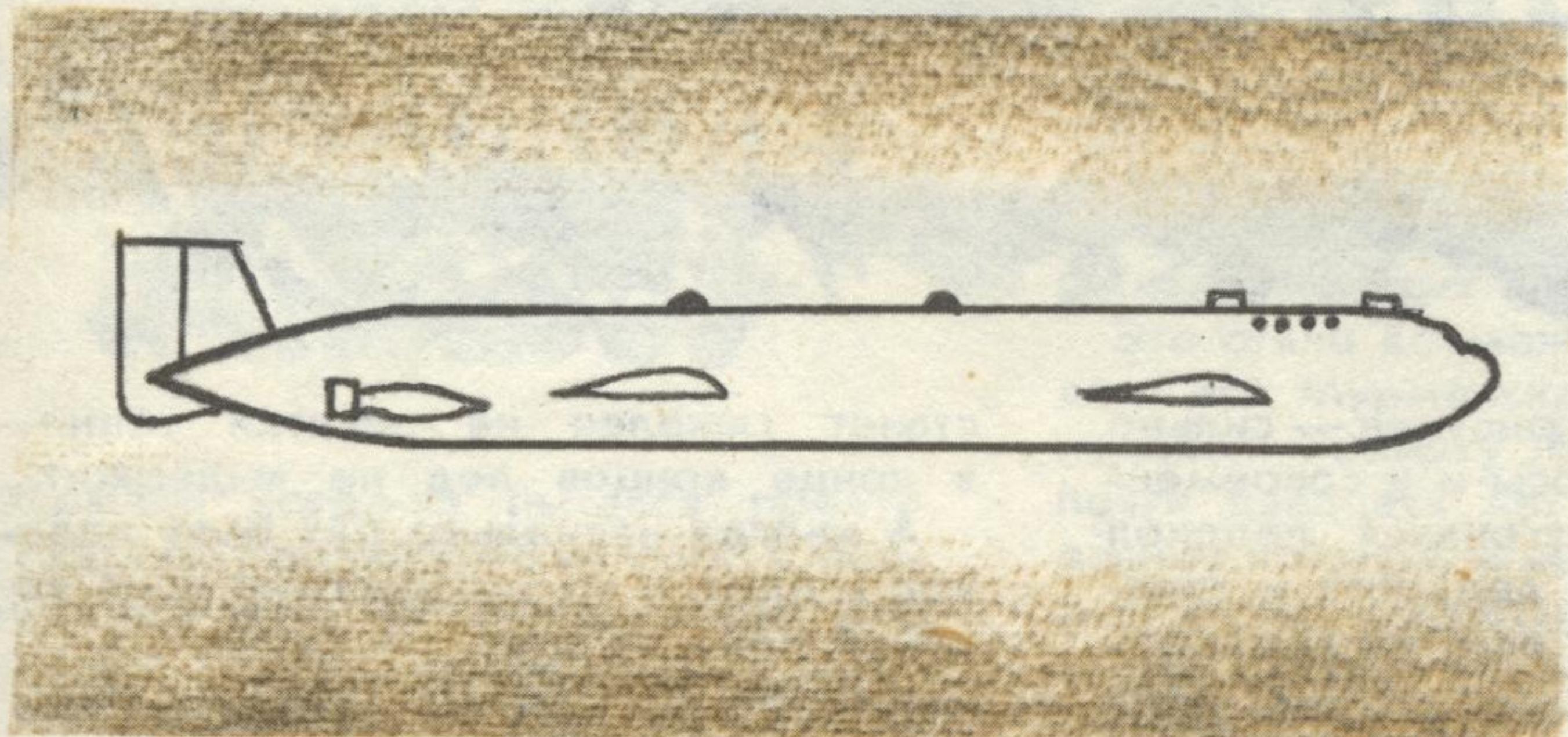
Есть еще одно направление, в котором развивается мысль конструкторов, это движение судна не подо льдом, а над ним. Судно на воздушной подушке! Такие суда уже строятся во многих странах, они с успехом «плавают» по воде, по болоту, выходят на пойменный луг, пересекают песчаные косы, идут по снегу. Пойдет такое судно и по ровному льду. Вот только как поведет себя такой корабль, если на пути ему встретятся острые ледяные торосы? Ведь в Арктике гряды или целые поля торосения иной раз тянутся на сотни километров! А тут еще авиационные специалисты предупреждают: судно на воздушной подушке имеет много общего с самолетом (оно ведь «летит» над водой, надо льдом), а значит, ему грозят те же неприятности, какие подстерегают в Арктике самолет — оле-

денение, штормовые ветры, отсутствие видимости в тумане или в пурге... Надо всем этим надо думать, надо работать.

И, наконец, размышляют конструкторы и над созданием ледоколов нового типа, а точнее, транспортных судов, которым не нужна ледокольная проводка. Один из таких вариантов — постройка полупогруженных судов. На рисунке показано судно, как бы состоящее из двух корпусов, причем один корпус, с грузовыми трюмами и запасом топлива, движется под водой, а второй, в котором размещены ходовая рубка, каюты и машинное отделение, — над водой. Корпуса соединены между собой прочными, напоминающими в разрезе лезвие топора, связями. Подводный корпус поднимает своей носовой частью лед, а «топор» режет его. Когда такое судно будет идти в ледяном поле, оно будет как бы «вспарывать» лед снизу.

Как бы то ни было, недалек час, когда на просторах Арктики рядом с уже привычными нам ледоколами появятся и новые суда.

Ю. СТУДЕНЦОВ





МОРСКАЯ ГАЗЕТА



Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 28-й

ЛЕДОКОЛ

«ЕРМАК»

В 1898 году под радостные крики многотысячной толпы зрителей со стапелей судостроительного завода

сошел на воду необычный по форме корабль. Корпус его напоминал огромную бочку...

— Что это за корабль такой?— спрашивал один из зевак.— И для чего его построили?

— Лед ломать будет,— отвечал другой.— Ледокол называется...

— Говорят,— сообщал третий,— что этому кораблю не страшен даже двухметровый лед!

— Скажу по секрету,— говорил че-

гвертый,— судно построено, чтобы идти прямо к Северному полюсу...

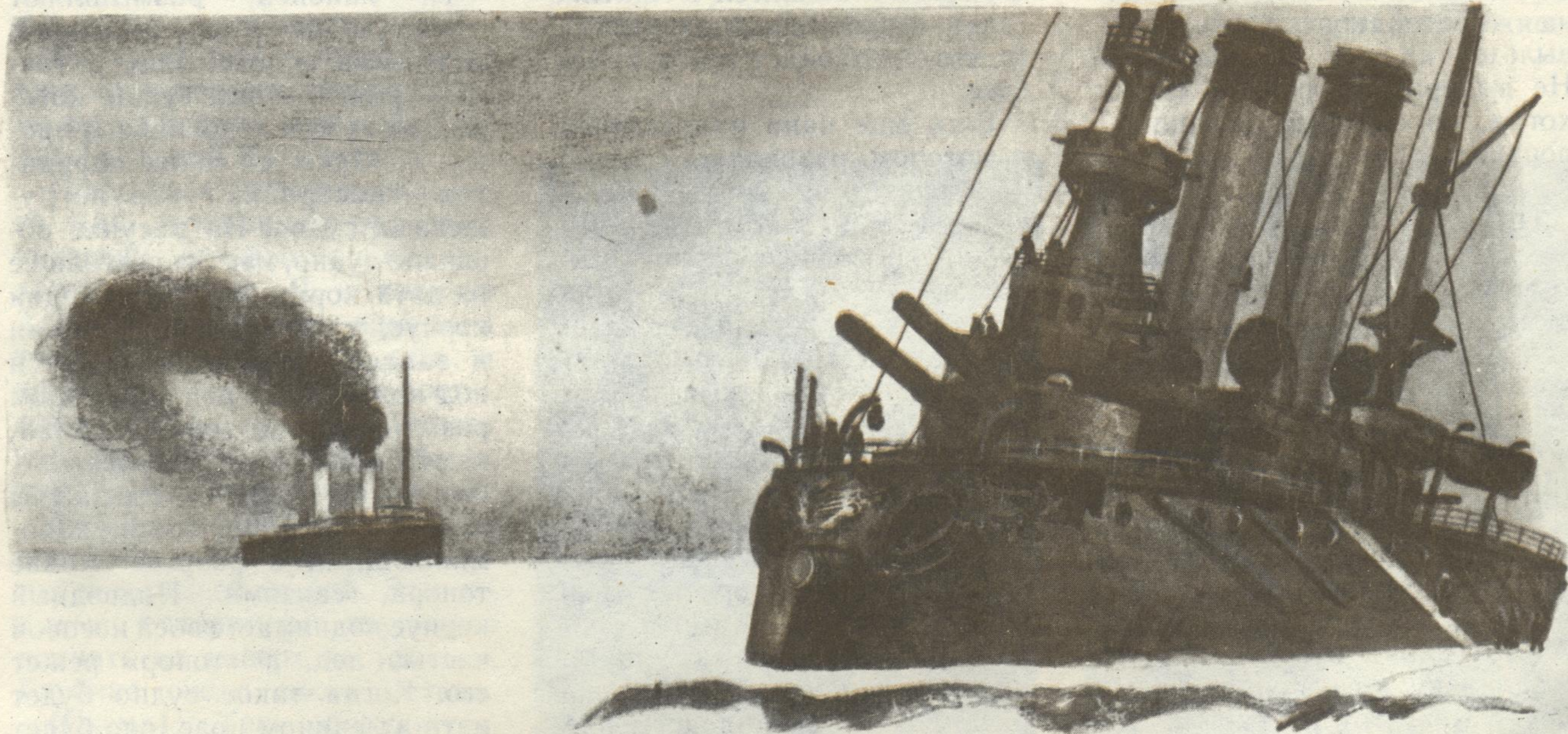
— Кто же построил такое чудо?

— О! Автор проекта — известный адмирал Макаров!

Корабль между тем, подняв широкой кормой большую волну, закачался посреди реки. «Ур-ра!»— закричали люди.

Флаги развевались на ветру. Играл оркестр.

Так родился ледокол «Ермак».



«ЕРМАК» ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

В Балтийском море — дело было в декабре 1900 года,— во время снежной бури наскочил на камни большой корабль — броненосец «Генерал-

адмирал Апраксин». Наскочил так сильно, что сойти не смог, камни продырявили ему днище. Началась настоящая зима, морозы. Броненосец вмерз в лед. Как помочь кораблю? Кончался уголь для топок, кончалась еда... А на броненосце — сотни матросов и офицеров. Стоял, накренившись на один борт, грозный, но беспомощный теперь броненосец, а вокруг расстились нескончаемые ледяные поля,

да чернел рядом скалистый безлюдный остров...

И вдруг моряки «Апраксина» заметили на горизонте дым... Дым приближался и вот стал виден надо льдом широкий бочкообразный корпус и две высокие трубы. Ледокол «Ермак»!

«Ермак» привез уголь, провизию, водолазов, буксирные тросы и цепи. Водолазы заделали пробоины, и «Ермак» привел броненосец в порт.

КАК РАБОТАЛ «ЕРМАК»

«Ермак», скорее, лед не колот, он продавливал, ломал его массой своего корпуса сверху. Нос у «Ермака»,

как ты видишь на рисунке,— сильно скошен. Такие же носы и у современных ледоколов. Разгонится ледокол и налезет носом на лед. Лед и треснет. А не поддастся лед, на ледоколе заработают насосы. Они погонят воду в носовые цистерны. Нос ледокола

станет тяжелее на десятки тонн — в конце концов лед не выдержит...

А иногда несколько раз бьет ледокол в одно и то же место — пока ледяное поле не даст трещину.

«Ермак» был самым мощным ледоколом своего времени.



КАК ЛЕДОКОЛ СПАСАЛ ЭКСПЕДИЦИЮ НОБИЛЕ

ШЕЛ 1928 ГОД. Над ледяными просторами Арктики летел большой дирижабль. На его блестящем борту можно было прочесть название: «Италия».

Дирижабль летел к Северному по-

люсу. Командовал экспедицией итальянец Нобиле.

Вдруг дирижабль начал падать. Он падал все быстрее и наконец ударился об лед. Передняя гондола дирижабля оторвалась и из нее посы-

пались люди, вещи, одежда, палатка и радиостанция. Спаслось восемь человек. Но надолго ли? Тщетно радист запускал радиостанцию — она молчала. Тогда трое решили идти по льду к ближайшей земле. В палатке осталось пятеро, в том числе — раненый Нобиле...

А мир ждал сообщений с дирижабля, еще никто не знал, что «Италия» разбилась. Прошел день, другой, третий...

И вот в Советском Союзе приняли радиограмму: «СОС... «Италия»... Нобиле... Франца-Иосифа... СОС...» Это значило: «Придите на помощь! С дирижаблем «Италия» случилась катастрофа. Экспедиция Нобиле на грани гибели... Ищите в районе Земли Франца-Иосифа...»

На помощь полетели самолеты и вышли спасательные корабли. Одним из кораблей был советский ледокол «Красин».

Самолеты отыскивали палатку, но вывезти смогли одного Нобиле. Погода все ухудшалась, самолеты терпели аварии, а несколько летчиков погибли... Казалось, что ничто не спасет людей с дирижабля «Италия».

Но сквозь льды пробивался «Красин». Его мощные винты бурлили в зеленой воде. Толстые льдины скрипели о его борта, громко лопался многолетний крепкий лед... И вот вахтенный с «Красина» закричал:

— Человек! Вижу человека!

Это был один из тех троих, что ушли пешком по льду. С ледокола увидели и второго. Третий к этому времени погиб...

А потом «Красин» подобрал и тех, что остались в палатке...

Так советский ледокол спас людей экспедиции Нобиле.

САМЫЙ ПЕРВЫЙ АТОМНЫЙ ЛЕДОКОЛ ПОСТРОЕН В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.
О НЕМ ЗНАЮТ ВО ВСЕМ МИРЕ. ИМЯ ЭТОГО ЛЕДОКОЛА — «ЛЕНИН».



НА ЛЕДОКОЛЕ К ПОЛЮСУ

«Ермак» когда-то пытался пройти к Северному полюсу, но не смог. Слишком тяжелыми оказались льды для него. По тем временам нельзя было сделать ледокол, который бы прошел

к полюсу. Техника и наука еще не могли дать ни сверхпрочных сплавов, ни сверхмощных машин.

Это стало возможным лишь в наши дни. Из Мурманска вышел атомный ледокол. Роберту Пири понадобилось почти двадцать лет подготовки, неудачных попыток и нечеловеческих усилий, чтобы добраться до полюса. Ледокол сделал это за две недели. Он держал курс точно на полюс, и ни-

какой самый толстый лед не смог остановить его. По радио на ледоколе сообщили наконец: «Полюс!» Все люди спустились на лед. Поставили мачту с красным флагом. Люди радовались и пускали ракеты. Потом они обошли вокруг той точки, которая на картах обозначена вершиной нашей Земли — Северным полюсом. Полюс покорился советскому ледоколу.

1934
ГОД.



Льдами раздавлен в Чукотском море пароход „Челюскин“. Весь экипаж и пассажиры вывезены на Большую землю. Семеро летчиков стали первыми героями Советского Союза.

1937
ГОД.



Четверка отважных: Ширшов, Кренкель, Папанин, Федоров—высажена на Северный полюс. Начался беспримерный, продолжавшийся девять месяцев, дрейф станции „Северный полюс—1“.

Идем

На тысячу с лишним километров, далеко за Полярный круг вытянулась Новая Земля. Напоминая видом гигантскую разомкнутую дамбу, отделяет она незамерзающее Баренцево море от самого ледовитого — Карского. Словно от неустанного напора карских льдов прогнулась дамба эта в сторону запада.

Это наш район работ.

Бригадой в пять человек, на вездеходе, приезжали мы в намеченное место постройки нового или ремонта старого геодезического пункта — шестиметровой деревянной пирамиды.

Мудрено найти романтику в таком деле, но без постройки невозможны дальнейшие геодезические работы. По нашим следам пойдут другие люди с высокоточными приборами. Их полевые измерения лягут в основу создания новой топографической карты.

Памятниками оставляли мы за собой далеко видимые геодезические знаки. Сколько пунктов, столько и названий, сколько названий, столько и событий...

«ПЕСЦОВЫЙ»

На первый взгляд кажется странным: почему подобных пунктов на Новой Земле — раз, два и обчелся. Но удивительного тут нет: к песцам быстро привыкаешь, они в тех местах такие же обычные, как лемминги, туманы, снега и дожди... И все же нам пришлось однажды этих зверьков увековечить в полевых материалах.

Палатка наша стояла на берегу Грибовой губы, строительством же занимались в полукилометре от «дома», на каменной гряде, куда не могли заехать на вездеходе.

Мы уходили спозаранку и

на Новой Земле

возвращались затемно. Так поступили и в последний день.

Подошли к палатке и нам показалось, что кто-то похозяйничал. Мелкие вещи разбросаны, посуда в беспорядке валяется у входа.

Несколько песцов, усевшись на ближнем пригорке, смотрели на нас.

— Да-а-а... Пошкодили они от души! — Перечень похищенного, запрятанного, попорченного с каждой минутой осмотра все возрастал: пропали брезентовые рукавицы, мыльница, портянки, деревянные ложки...

Полевую сумку с документами воришки выволокли из палатки и пытались куда-то утащить. К счастью, ремешок захлестнулся за оттяжку.

Невосполнимые потери понес вездеходчик. Голенища его яловых сапог валялись рядом с отгрызанными головками. Кому-то из песцов по вкусу пришлась телячья кожа, пропитанная, чтобы не пропускала воду, нерпичьим жиром.

Особенно беспокоило исчезновение бинокля, который лежал в рюкзаке у входа. Без бинокля — как без рук. Ни рекогносцировку провести, ни видимости на соседние пункты проверить. Всей бригадой искали пропажу. Долго. Обшарили все ямки, расщелины в камнях. Никаких следов. Отчаялись было, да уже под вечер неожиданно заметили торчащий из старой песцовой норы кончик ремешка. То-то было радости: нашелся! Переезд пришлось отложить — смеркалось.

За ужином слышим — рядом с палаткой твякнул один «хулиганишка». Не сапоги ли прибежал догрызать? Сидящий у выхода повар вдруг увидел, как поползла наружу пропитанная жиром кухонная тряпка. Повар потянул ее на себя. Снаружи послышалось злое ворчание. В дверях показалась с белозубым оскалом мордочка. Сморщенный от злобы нос, помутневшие от жадности глаза. Песец буквально впился в аппетитную тряпку. Пострадавший вездеходчик вдруг перегнулся через ящик, служивший столом, и, крикнув, с оттяжкой, треснул деревянной ложкой в лоб песца.

— Н-на тебе за сапоги! Паррршивец!

Песец странно хрюкнул, голова метнулась в сторону и с воем исчезла. Поделом разбойнику. Пусть-ка с шишкой на лбу побегает.

Геодезический пункт в этом месте мы назвали «Песцовый».

ФИЛИНА ИЗБУШКА

Ручей полого сходил в море. Внизу, в стороне от спуска, у самого обрыва, притулился приземистый домик с пристройкой. Район этот уже давно не посещался людьми и домик давно заброшен, тем не менее для нас — это редкий подарок.

Вскоре вездеход наш остановился у избушки.

Избушка держалась бодро. Крепко сработанная из досок двускатная крыша, надежные углы и хорошо проконопаченные пазы между бревен будто не чувствовали времени.

Нумерованные римскими цифрами венцы домика говорили о том, что он привозной. Плавник для зимовки, даже если его много, берут редко. Пропитанные морской водой бревна в жарко натопленном жилье «слезятся» — обильно выделяют влагу, и в комнате становится душно и сыро.

Сорванная с верхней петли входная дверь скобочилась. У большинства промысловых избушек двери открываются внутрь, чтобы легче было выбираться из снежных заносов. Медведь же грешит привычкой открывать дверь «на себя». Вот и выламывает...

Над косяком двери, ведущей из тесных сенцев в комнатку, крупно вырублено топором: «Я — ФИЛЯ». Вероятно, сам хозяин. Строкой ниже — год, не то постройки, не то заселения. Вот и вся биография. Разобрать можно лишь первые две цифры — 19. Третья то ли двойка, то ли тройка, а последней и в помине нет.

Когда заходишь в покинутое человеком жилье, возникает острое щемящее чувство, какое бывает, когда опаздываешь проводить того, кого больше никогда не увидишь.

Низкий, дочерна закопченный потолок с заплесневелой «матицей» — средней толстой балкой — прогнулся. Вместо русской печки — груда красных кирпичей, вместо трубы — квадрат голубого неба.

Давно сюда не входил человек.

Грубо обтесанные стены снизу были оклеены газетами и журналами, но лемминги, как хозяйственные мужички, пустили этот редкий для них материал вперемешку с сухой травой на свое жилье.

Кто такой Филя? Где найти ниточку к его судьбе?

Три гвоздя в углу напротив печки. Для иконы. Вместо кровати — слишком широкие для одного нары. Не для гостей ли неожиданных? А вот зарубки на балке группами по тридцать и тридцать одному. Календарь. Февраль с 28 зарубками я сразу опознал. Не трудно подсчитать: был здесь хозяин два года, восемь месяцев и два дня. Прибыл десятого июля, а уехал или ушел отсюда, по моим подсчетам, двенадцатого марта. Год неизвестен.

В сенцах устроена тесная, без окошка, кладовка. На вбитых в стены бамбуковых палочках — чего только не найдешь на морском берегу! — ржавеют связками песцовые капканы. Тут же части нарт и прелые кожаные алыки — шлейки собачьей упряжки. Рядом — низкая пристройка. Зимой ютились в ней собачки-работяги. Вот и же-

лезные скобки в стене, к которым их подвязывали.

Из пристройки ветхая лестница вела на чердак. По жиденьким ступенькам поднялся я наверх. Низкая крыша наклонила мне голову. Впереди на засыпанном землей перекрытии лежал длинный дощатый ящик. К одному концу он сужался... Был Филя, наверное, старым одиноким охотником и по русскому обычаю загодя приготовил себе смертное ложе. Привык рассчитывать только на себя.

Пока я спускался с чердака, ребята уже начали разгружать вездеход и располагаться в избушке.

Внимание мое привлекла заметная издали густая поросль осоки. Я подошел ближе. Растительность выбивалась из груды серых камней. Рядом лежал опрокинутый ветром крест из толстого бруса. На верхней прямой перекладине неровными буквами вырезано: «Здесь похоронена жена мая». Роковая случайность? Болезнь? На нижней косой перекладине остались только слабые намеки на буквы и цифры — работа бесноватой метели. Можно лишь с трудом разобрать в крайней группе цифр римское II. Февраль, значит... После смерти жены жил здесь Филя всего месяц.

Промышляли в этом районе раньше и мужицкими артелями и семьями, а то и отчаянными одиночками. Приплывали под осень, с учетом зимовки. Тяжелой она была. Нередко оставались на покинутых становищах многочисленные кресты. Удача и риск часто ходят вместе. Богатое Карское море давало морского зверя. С наступлением зимы промышляли песца и белого медведя. По весне на птичьих базарах собирали

яйца. В середине лета на укромных озерах отлавливали линных гусей. На побережье добывали диких оленей. Сотнями бочек заготавливали нежную и жирную рыбу гольца. Тяжелейшим трудом, в суровых условиях добывалось все это. Бывало, промысловики неделями отсиживались, даже летней порой, от непогоды — тумана, дождей, снегопада, сильных ветров. Хорошо, если под крышей, а если непогода застигнет на промысле? С Арктикой ухо держать надо остро.

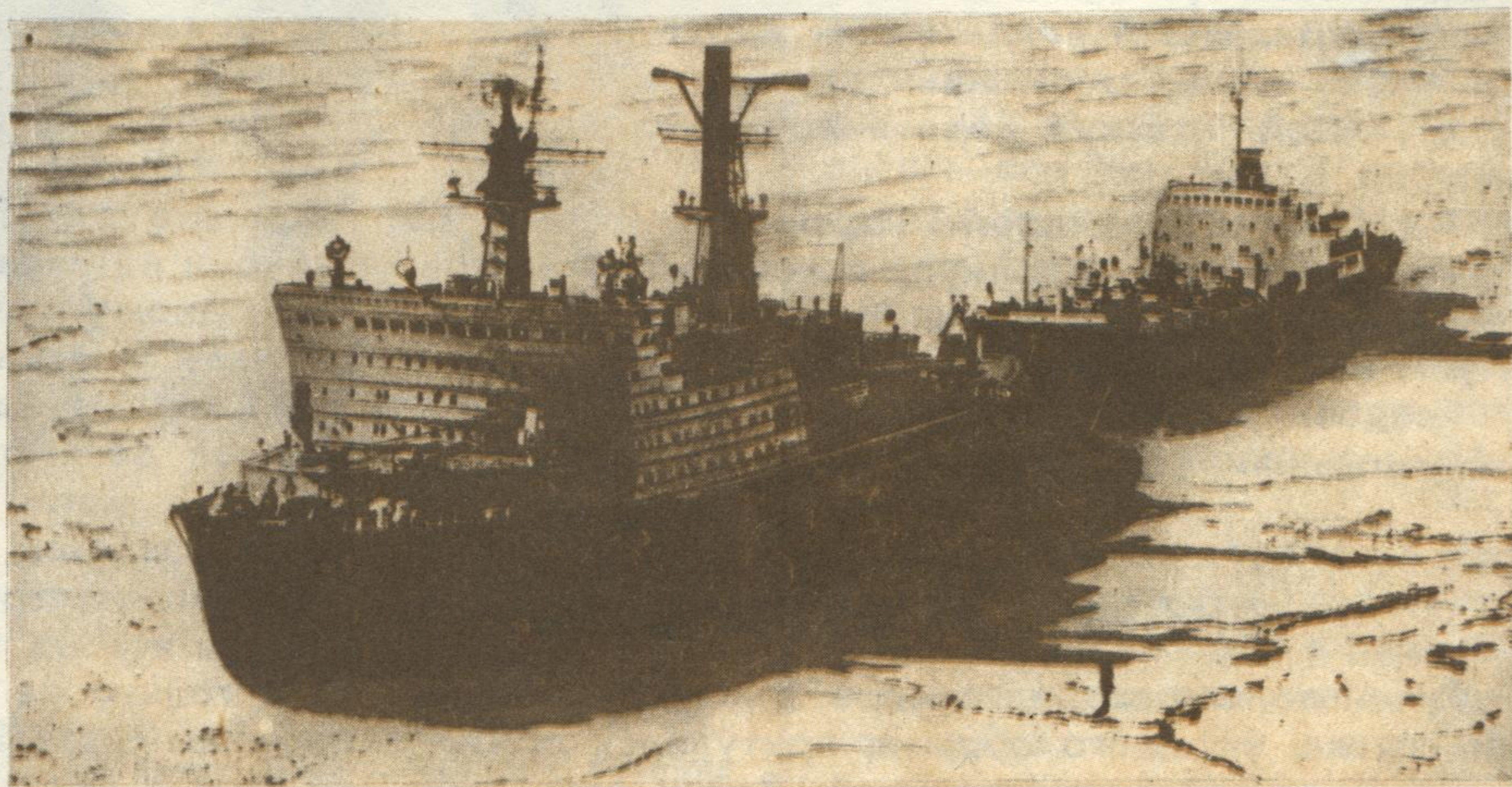
Около угла Филиной избушки стоял квадратный дощатый ящик, прижатый широкой плахой. «Возьму ящик под сиденье», — решил я и ногой перевернул его. Содержимое вывалилось на землю. Среди перепревших тряпок, осколков битого стекла, обносков, стружек и прочего мусора вдруг поразила меня одна вещь. Кукла! Из куска толстой парусины. Круглая головка с пуговичными глазами и носом, вышитый черной дратвой улыбающийся рот. Этой же дратвой нескладно пришиты тряпичные ноги и руки. Тут же лежала пара маленьких ботишков... У Фили была дочка...

Если верить зарубкам на стене, покинул Филя свое зимовье ранней весной — в марте. А до соседнего становища не меньше сотни километров; хотя полярная ночь уже на исходе, пурги в этом месяце могут быть жестокими, на всем пути глубокий, нестерпимо сверкающий на весеннем солнце снег и растрескавшиеся языки ледников, которые сползают к самому морю.

Нам всем хотелось верить, что Филя с дочкой добрался-таки благополучно до людей.

Б. МИХАЙЛОВ,
инженер-геодезист

1984
год.



Западная Сибирь — крупнейший поставщик природного газа и нефти.
Страна получает отсюда около пятидесяти процентов всего голубого топлива.



ЛЕДОВЫЙ МОСТ

Юрий ПАРАМОНОВ, инженер-строитель

Рисунок А. Ветрогонского

Мосты бывают: каменные, железобетонные, стальные, деревянные. И — ледяные.

Сооружают их чаще на северных реках, которые замерзают в конце октября, а вскрываются только в мае.

Вы спросите: какое же это строительство? Зима, мол, сама строит дороги, помощи в этом не требуется. Встала река, покрылась льдом — вот вам и мост.

Так-то оно так, да не совсем. Многое зависит от того, что вы собираетесь возить по ледяному мосту.

Если дрова на лошадке, запряженной в сани, тогда, действительно, строить ничего не придется. А если требуется переправить через реку тяжелое буровое оборудование? Вышку, например. Или трубы отвести на строительство трубопровода?

Поневоле задумаешься: выдержит лед такую нагрузку? Не даст ли трещину? Вот и выходит, что сооружение ледяного моста превращается в настоящую инженерную задачу со многими неизвестными.

Случилось так, что сразу после окончания автодорожно-

го техникума назначили меня комендантом ледяного моста. И не через какую-нибудь неказистую речушку, промерзающую в сильные морозы до дна, а через большую сибирскую реку Печору.

Я, честно говоря, растерялся. А вдруг оплошаю?

Поделился своими мыслями с начальником ремонтно-дорожной службы. А он улыбается:

— Хорошо, — говорит, — что ты не боишься в этом признаться. Может быть, потому тебе и доверили настоящее дело.

На складе меня ждал небольшой сюрприз в виде накрытого брезентом имущества, напоминающего сугроб.

— Не перепутали? — спрашиваю осторожно кладовщика.

— Все в полном соответствии с заявкой отдела комплектации, — отвечает. — Кроме бульдозера, который вчера отправили трейлером на переправу.

Тулупы, валенки, пилы простые и механические, бухта вязальной проволоки в сто килограммов весом, ломы, то-

поры, лопаты... И в конце: ключ от замка.

— От Северного полюса? — уточняю.

— От контрольно-пропускного пункта, сокращенно КПП, — назидательно, как и подобает складскому работнику, отвечает кладовщик. — Откройте дверь, справа на гвоздике еще два ключа от шлагбаумов.

Погрузились мы в автофургон и отправились к новому месту работы.

На место приехали затемно. Разгрузились у небольшой бревенчатой хижины возле берега, той самой, которую кладовщик назвал КПП. Здесь теперь нам предстояло жить и работать.

Бригада занялась хозяйственными делами, а мне не терпелось взглянуть, что происходит вокруг. В темноте различил колонну автомашин, туда и направился.

Оказалось, что на реке действует переправа. Речной ледокол пробил во льду узкий фарватер, так называемую майну, внутри которой двигался самоходный паром. Он и перевозил с берега на берег автомашины.

Жаль только, палуба его вмещала от силы четыре-пять

грузовиков, остальные дожидались своей очереди на берегу, как на правом, так и на левом.

За ужином наметил на схеме, где следует пробурить лунки. Кто-то из ребят предложил не бурить их, а пропилить во льду с помощью бензопилы.

Как я и предполагал, на середине реки лед оказался гораздо тоньше, чем у берегов. И хотя прочность его по моим расчетам была там достаточной для того, чтобы выдержать полуторку с грузом, рисковать было нельзя ни в коем случае.

Снова и снова я проверял расчеты — ошибки не было. Вот если бы нарастить лед на среднем участке. И тут я вспомнил про помпу.

На следующий день бригада вышла чистить снег и наращивать лед так, как будто мы заливали каток.

Но вот, наконец, замеры и расчеты позволяют открыть движение.

«Первую машину через реку поведу сам», — решил я и пошел отпирать замок на шлагбауме.

Шофер «газончика» долго упрямылся, прежде чем понял, что от него хотят. Сказал, что поедет вместе со мной, но я отказался. Он объяснял:

— Молоко у меня в бидонах для столовой. Может, я лучше паромом?

— Пока дожидаясь очереди, замерзнет твоё молоко. А так свеженьким довезешь.

Вот этот довод убедил его окончательно.

— Ладно, езжай, — согласился он наконец.

Я сел за руль и не торопясь съехал на лед. В зеркало заднего вида наблюдал, как следом за мной шли двое ребят из бригады. Один из них был в тулупе, у другого в руках за спиной веревка. Страховали.

Однако все обошлось благополучно. Миновав середину реки, я понял, что расчеты мои оказались верны. Лед нигде даже не хрустнул. Остановившись на противоположном берегу, спросил сопровождающих:

— Куда это вы направились? В тулупе да еще с веревкой?

— Как — куда? — не растерялись они. — На пост. С этого

берега тоже надо пропускать машины. А веревка, чтобы удобнее шлагбаум закрывать.

«Ну и хитрецы», — заулыбался я.

Теперь предстояло подумать о том, как обеспечить движение более тяжелого автотранспорта.

А тут, как назло, ночью поднялась метель. Одна из машин сбилась с пути, колеса съехали с переправы и под ними треснула льдина.

Попробовали заморозить трещину, но вода уходила под лед, прочного шва не получалось. Следовало придумать что-то другое. Наконец решили сделать из бревен настил и заморозить его, чтобы бревна и лед создали прочную, монолитную конструкцию.

Так и поступили. Неподдалеку находилась просека, где шла линия электропередачи, по краям ее лежали спиленные деревья, запорошенные снегом. Их напильники в размер, бульдозером отбуксировали к реке, уложили одно к другому, концы бревен с одной и с другой стороны прижали бревнами потолще и все это крепко-накрепко скрутили проволокой.

Затем снова включили помпу, облили настил водой, дали замерзнуть, и так несколько раз, пока поверхность дороги не получилась ровной и гладкой, не хуже асфальта.

Всем стало ясно, что продолжать настил следует в обе стороны, пока не построим настоящий ледовый мост через реку.

Работали день и ночь, позабыв про сон, про отдых, про пищу. Чтобы ускорить работу, настил делали из отдельных секций, которые собирали прямо на берегу, затем отвозили их на место, где соединяли между собой и, не теряя времени, заливали водой.

Преимущество этого способа состояло в том, что каждый желающий мог подойти и помочь нам. Все были заинтересованы, чтобы ледяной мост как можно быстрее вступил в строй, поэтому в помощниках недостатка не было. Мы едва успевали обеспечить людей инструментом: пилами, топорами, ломом. Скоро берег превратился в настоящую стро-

ительную площадку. Одни уезжали, им на смену приходили другие. Никто не задавал лишних вопросов, брал в руки пилу или топор и начинал делать то, что делают остальные.

Появился трелевочный трактор. Он возил бревна из лесу. Затем кто-то пригнал автокран и теперь секции настила укладывались на лед автокраном. Даже помпа наша стала вдруг не нужна, вместо нее воду качала пожарная машина.

Мы и не подозревали, что у нас будет так много добровольных помощников. Где уж тут было отдыхать самим!

Пока шло строительство, капитан ледокола время от времени поглядывал на нашу работу, видимо, не рассчитывал так скоро увести паром на зимовку.

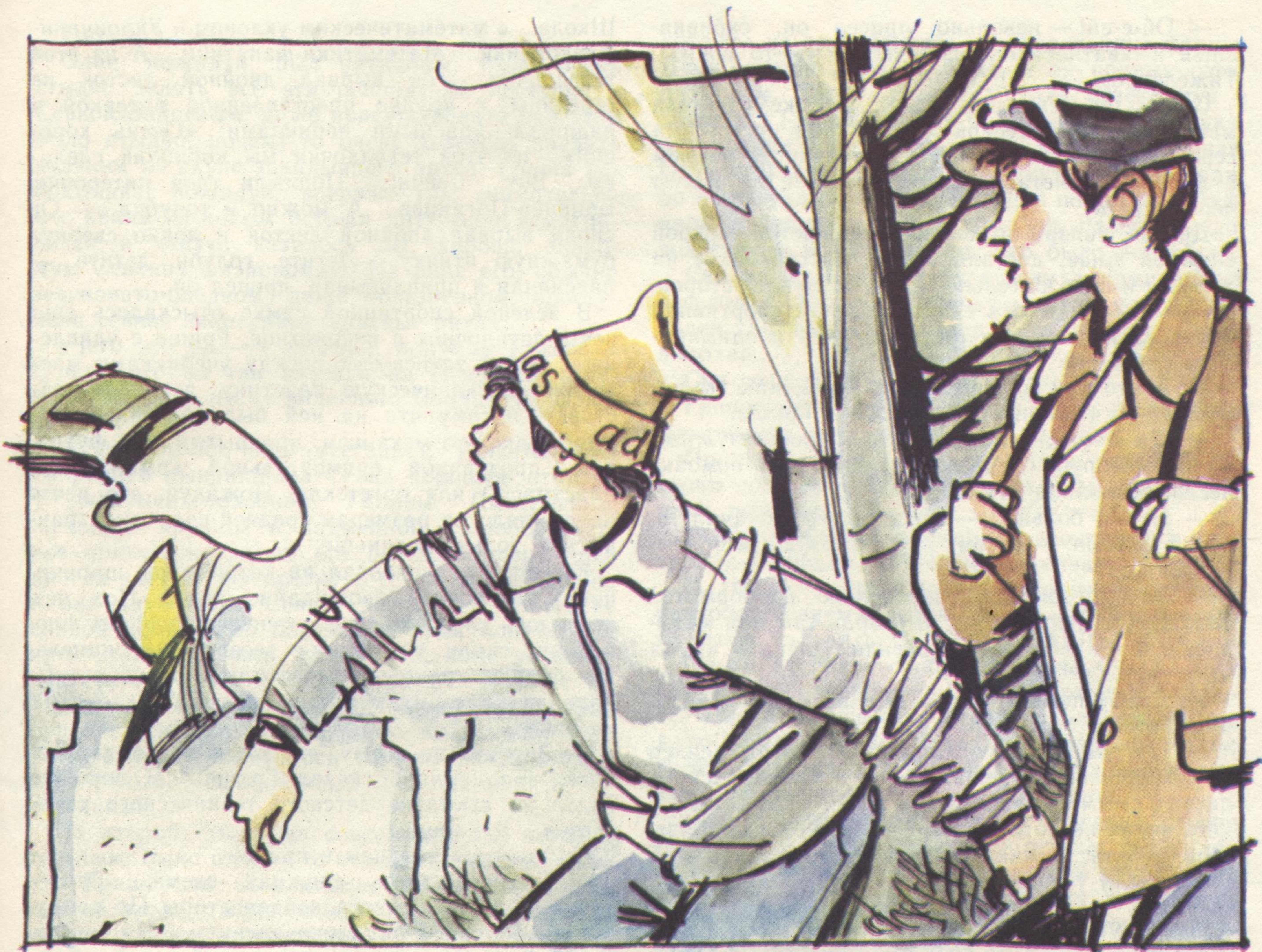
И вот, наконец, работы закончены. Надежный и широкий, в две колеи, мост соединил оба берега. Я поднял шлагбаум, теперь нет нужды его закрывать.

Я, спотыкаясь, бегу за первой тяжелой машиной, хотя и понимаю, что с ней теперь ничего не может случиться. Но бегу потому, что она первая, потому, что обязан лично во всем убедиться и еще потому, что у меня вдруг защемило глаза.

Мимо меня, как в тумане, проходят одна за одной машины. Везут бетонные плиты, кирпич, разборные домики, металлоконструкции. Трубовоз на прицепе везет нескончаемо длинную плетень, сваренную из нескольких труб полутораметрового диаметра. Вот поехал жилой вагончик, следом за ним легковой автомобиль. Он на мгновение останавливается рядом со мной, кто-то почти насильно заталкивает меня в кабину, обнимает, и я слышу голос начальника ремонтно-дорожной службы:

— Ну, ты молодец. Никто не поверил, когда шофера соблаговестили, что сегодня открытие дороги. Поздравляю. С секциями ты это здорово придумал. На берегу собирать...

Кажется, он говорил что-то еще, но больше я ничего не слышал. Откинувшись на спинку сидения, я заснул крепким сном.



ЗЕЛЕНАЯ СПОРТИВНАЯ СУМКА

Лев КУКЛИН

РАССКАЗ

Рисунок А. Борисенко

Наконец-то зазвенел долгожданный звонок. Гриша Табачников и Севка Зайцев торопливо, боясь потерять лишнюю минуту, выскочили из школы. Домой они всегда шли вместе.

— Эх, наконец-то вырвались! — завопил Зайцев и изо всей силы огрел друга портфелем по спине.

— Ну, Зайцев, погоди! — Табачников с завыванием кинулся за приятелем...

Разбрызгивая лужи, они с упоением гонялись друг за дружкой вокруг детского садика, где гомонили веселые и деловитые дошколята с совками и ведерками, толстенькие и неуклюжие в своих теплых одежках. Они завистливо взглядывали на буйствующих, в расстегнутых куртках, школьников...

Нет, что ни говорите, а весна — лучшее время года!

Припекает солнце, на носках у девчонок заметно прибавляется веснушек, дымится, высыхая, асфальт, на котором вместо убитого снежного панциря остаются симпатичные акварельные лужицы, а грязные городские ручьи несут свою пузырястую пивную пену и с журчанием проваливаются в ближайшие люки.

Впереди — вот они, рукой подать! — лето, каникулы, пионерские лагеря...

Одно слово — сво-бо-да!

— Ха! Смотри! — ткнул пальцем в землю Гриша. — Сумка...

— Подумаешь, сумка! — не останавливаясь, на ходу кинул Севка. — Кто-то на помоечку нес, да не донес, по дороге кинул. Сейчас мы ее...

И он с разгону, хорошим полновесным ударом классного форварда сильно напощал сумку, словно это был футбольный мяч.

— Ой-е-ей! — невольно присел он, скривившись, и схватился за ногу. — В ней что-то лежит... Тяжеленное!

Сумка от Севкиного удара все же отлетела метра на два и теперь лежала под кустом, на сером ноздреватом снегу, зацепившись ремнем с блестящей металлической пряжкой за голую черную ветку.

Друзья, увязая по колени в зернистой, мокрой снежной каше, достали сумку, поставили ее на асфальт и подозрительно оглядели со всех сторон. На вид — сумка как сумка: зеленая спортивная сумка из кожзаменителя, с молнией и олимпийской эмблемой.

— А что там внутри может быть, как ты думаешь? — с любопытством спросил Гриша.

— Да барахло всякое... Железяки ненужные. Кусок мясорубки... Я же говорил — на помойку несли. Помойная сумка, хе-хе-хе!

— Новая больно... — с сомнением покачал головой Гриша. — Зачем такую новую выбрасывать?

— Зачем, зачем... — недовольно пробормотал Севка. — Купили новую, «Рекорд» там или «Адидас»... Фирму! А эту выбросили. Плевали мы на эту сумку!

— Давай посмотрим... — нерешительно предложил Гриша.

— Ну, давай... — не слишком охотно согласился Севка Зайцев и затрещал молнией. Сумка раскрылась. Самым удивительным в ней оказалось то, чего никак не могли, прямо-таки не ожидали увидеть ребята: сумка была набита нормальными школьными учебниками!

— Ой, не могу! — заплясал вокруг сумки Севка. — Учебнички-лечебнички!

— Кто-то забыл... — предположил Гриша. — Должно быть, играли...

— А вот сейчас проверим... Тоже мне забываки-задаваки... — хмуро сказал Севка. Он и в школе всегда любил всех передразнивать, играя часто совершенно нелепыми словами в рифму. — Ага! Дневничок... Ученика шестого класса школы номер... Во! Владимир Брянцев!

— Это же рядом! — обрадовался Гриша. — Специализированная школа с математическим уклоном. Может, в школу отнесем?

— Еще чего! — буркнул Севка. — Он будет забывать, а ты будешь относить? В нашей стране слуг нету!

Он вытащил тетрадку по математике и стал ее листать, сначала медленно и лениво, потом все быстрее и быстрее. Потом вытянул из сумки вторую тетрадь, третью... Он явно хотел в чем-то убедиться.

Гриша ждал.

— Ишь ты... — хмыкнул Зайцев. — Одни пятерки... Надо же! Везет людям! И по физике, и по математике. Вот гад! Отличник-горчичник! А мы вот сейчас... твою тетрадку с пятерочками... — и он рванул тетрадку так, что она неровно, наискось, разорвалась пополам.

— Зачем ты? — испуганно вырвалось у Гриши.

— Подумаешь... — как в лихорадке бормотал Зайцев, кроша тетрадку на мелкие обрывки. —

Школа... с математическим уклоном... Уклончики-флакончики... Математики-фанатики... А из этой тетрадки... — он вырвал двойной листок из середины, с крупно проставленной пятеркой и надписью красными чернилами: «Очень хорошо!» — из этой тетрадки мы кораблик сделаем... Вот... Сейчас... Поплыли твои пятерочки, Брянцев-Поганцев... А можно и голубка... — Он снова вырвал двойной листок и ловко свернул бумажную птичку. — Летите, голуби, летите... — паясничая и приплясывая, пропел он...

В зеленой спортивной сумке отыскалось еще нечто загадочное и непонятное. Гриша с удивлением вынул затиснутую между учебниками массивную металлическую пластину, вернее, — подставку, потому что на ней был закреплен, видимо, какой-то механизм, прикрытый, как футляром, прозрачной прямоугольной крышкой из пластмассы или оргстекла. Пожалуй, это нечто напоминало по размерам средней величины транзистор, только потоньше.

Крышка, укрепленная на хитроумных шарнирчиках, отскочила неожиданно легко. Под нею теснилось сложное переплетение тончайших проводков, сияли слепящими звездочками капельки спайки, пестрели крохотные разноцветные цилиндрики с мелкими цифровыми индексами на боках...

— Знаешь, по-моему, это какой-то командный блок... — задумчиво сказал Гриша. — Я похожие видел на выставке детского технического творчества... В Гавани.

Он потыкал пальцем в прибор.

— Смотри, здесь сложная схема... Это — триоды... А это, кажется, конденсаторы. По-моему, это приборчик с радиоуправлением... На микро-батареях. Интересно, как он работает?

Вдруг Севка вырвал приборчик из Гришиных рук...

— Приборчик-приборчик... Как работает... — зашипел он, и сквозь его бледные, узкие губы на Гришу полетели капельки слюны. — Не будет он больше работать, этот твой приборчик!

— Не надо! — хотел было крикнуть Гриша, но не успел.

Коротко и сильно размахнувшись, Зайцев швырнул приборчик под ноги на серый, исчерченный мелом асфальт. С негромким печальным хрустом тот разлетелся на мелкие части, а кусочки лопнувшей пластмассовой крышки напомнили Грише тонкие весенние льдинки, так легко раскалывающиеся под тяжелыми подошвами прохожих.

Беззащитные хрупкие льдинки...

— Зачем ты так? — поморщившись, словно проглотив что-то горькое, тихо спросил Гриша. — Он ведь старался, изобретал...

— Подумаешь, изобретатель-бумагомаратель! — отмахнулся Севка. — А чего он? Так ему и надо... В следующий раз не будет забывать...

Пятиклассник Григорий Табачников, обычный, как он считал, ничем не выделяющийся среди других, так себе школьник, вдруг с удивлением почувствовал, как внутри его словно бы боролся друг с другом два стыда.

Именно — два...

Один, пожалуй, был активным: было очень стыдно делать все эти непонятные поступки с Севкой Зайцевым, даже присутствовать при этом было стыдно, почему-то очень хотелось заехать кулаком по скуле закадычного друга. Гриша исподтишка, пожалуй, впервые так внимательно и с каким-то новым острым интересом всматривался в такую, казалось бы, хорошо знакомую Севкину физиономию. На лице его, обычно зеленовато-бледном, даже болезненном, проступили сейчас некрасивые красные пятна.

«Чего это он? — с опаской подумал Гриша. — С чего это он так взъелся на совершенно чужого, ни разу им не виденного Владимира Брянцева?!»

И припомнил, как всегда, с унижительным смирением выпрашивал Севка хорошую отметку у монументоподобной Галины Дмитриевны, женщины крупной и надменной. Подобострастное кривляние Севки, его лебезение перед ней иногда заставляло дрогнуть ее каменное сердце, и она натягивала Севке троечку... А он за ее спиной немедленно показывал язык или корчил презрительные рожи, уже обращенные ко всему классу.

«Да он просто-напросто завистливый! — как будто в глубинах Гришкиного мозга щелкнуло реле, и сразу осветилось то, что раньше было непонятным. — Завистливый и злой, злой и завистливый...»

Но второй стыд был совсем другим, нерешительным: было почему-то стыдно показать Севке, что Гришке за него стыдно... Стыдно сказать ему об этом, стыдно, стыдно, ох как стыдно за свое ощущение этого стыда...

«Да что я, ненормальный, что ли?» — с досадой подумал об этом противоречивом борении внутри себя Гриша. Он почувствовал, как невольно краснеет от этих разнообразных оттенков стыда и, чтобы замаскироваться, набрал полную грудь воздуха и медленно-медленно выпускал его...

— Пошли... — поскучевшим вдруг голосом сказал Зайцев, раскрутив напоследок сумку за ремень, как пращу, и запустив ее в бетонный заборчик детского сада.

Один из учебников выпал при этом, вывалился на лету и, шелестя страницами, словно птица перебитыми крыльями, плюхнулся в снег. Гриша не заметил, какой именно это учебник. А почему-то захотелось запомнить...

По дороге к дому они шли и молчали. Севка Зайцев первым вбежал в парадную высотного дома на углу улицы, кинув небрежное: «Гуд бай», на которое Табачников даже не обратил внимания. Он побрел дальше, спотыкаясь, как в тумане. Так же машинально зашел в торговый центр, встал в очередь, выбил половинку круглого батона и бутылку молока для Иришки. Как всегда...

На кухне он зажег газ, поставил кастрюльку с супом на маленький огонь и принялся лепить

котлеты из оставленного в холодильнике фарша. Днем матери дома не было, и он привык готовить сам. Затем он начал было резать лук в котлеты. Гриша любил запах жареного лука, и луковица попалась большая, крепкая, лиловая. Он почувствовал, что у него текут слезы... Странно — от лука были эти слезы или по какой-нибудь иной причине, но он понял, что плачет с удовольствием и облегчением. Это было новостью...

Сел на кухонную табуреточку с крышкой из веселого пластика в клеточку и, держа нож в руке, сидел так долго и смотрел в одну точку, слезы высохли...

Суп убежал.

Гриша вяло выключил газ. Есть все равно совершенно не хотелось.

Примерно через час, покончив, видимо, со своим собственным обедом, как ни в чем не бывало, позвонил Зайцев.

— Приветтики-салютики! — бодро крикнул он в трубку. — Пошли, погоняем на великах!

— Нет... — неуверенно, но с огромным внутренним облегчением ответил Гриша. — Мать просила на рынок съездить. За картошкой. Чао!

Гриша не сразу сообразил, почему это вдруг ему понадобилось врать Севке. Картошку он привез еще в воскресенье утром, и вообще на его долю домашних дел сегодня больше не было: хлеб в пластиковом мешочке и в хлебнице, молоко в холодильнике. Полный порядок!

Но перед его глазами четко и медленно, словно бы повтор острых хоккейных атак в записи по телевизору, именно — так же четко и замедленно, снова подымал Севка Зайцев руку с зажатым в ней хитроумным приборчиком, и снова раздавался в ушах беззащитный хруст раскалываемой прозрачной крышки, словно разлетались под тяжелыми каблуками хрупкие весенние льдинки...

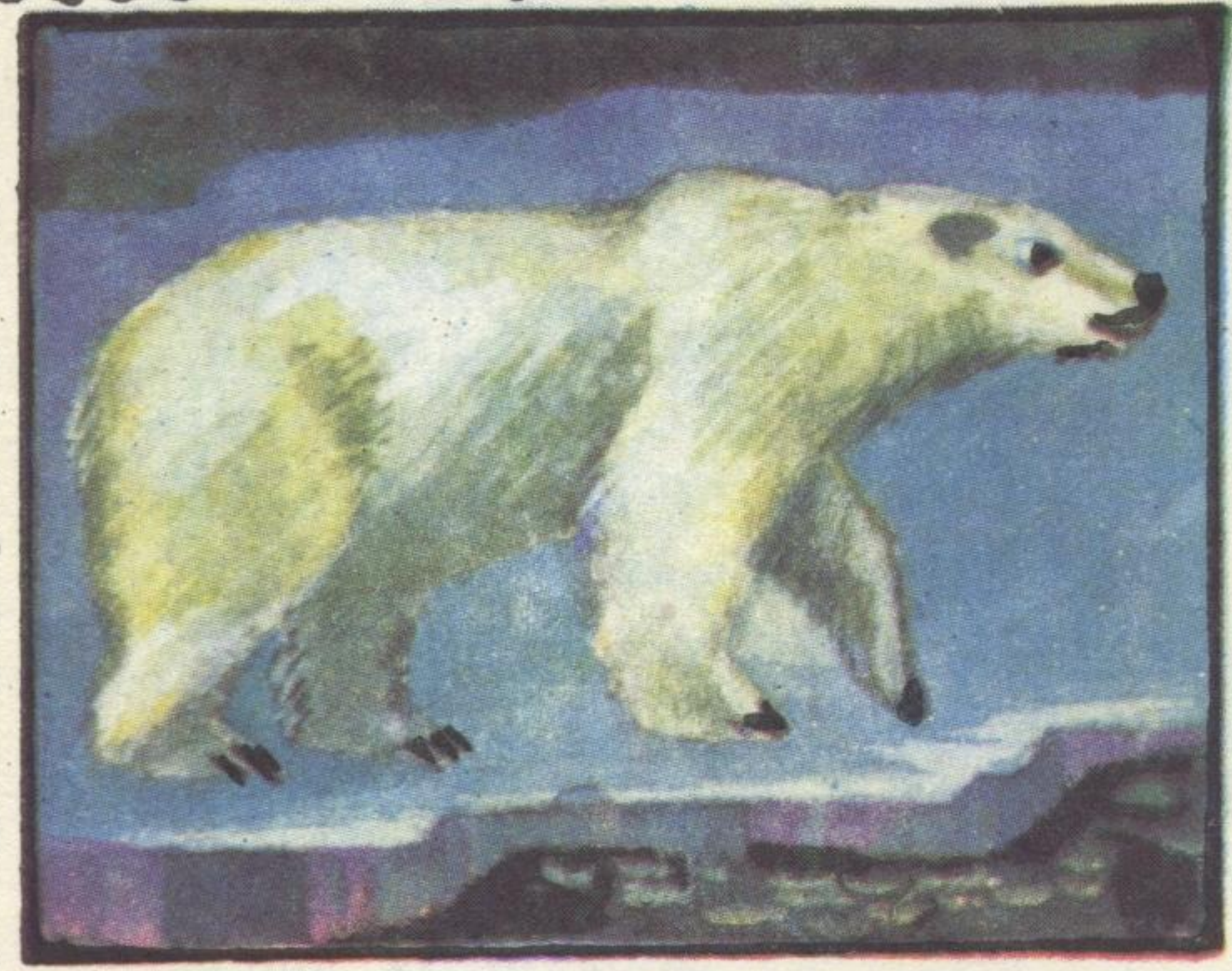
И снова внутри что-то горчило, и не проглатывалось вместе с набегавшей слюной, и Гриша никак не мог понять, почему это...

«Пойду, посмотрю... — неожиданно для себя решил он. — Может, сумка еще лежит на старом месте. Ну, там, где мы ее кинули... Отнесу в школу, спрошу, где живет этот Владимир Брянцев. Домой к нему зайду... Да, а приборчик как же? — Уши у него стали горячими. — Ну, придумаю что-нибудь, скажу — так и нашел... Без приборчика. Может, кто-нибудь другой взял... А мы с ним новый сделаем, вот! Конечно, сделаем! Пясть я уже умею... Буду помогать... Сразу же ясно — он не просто какой-то там... просто отличник, он же головастый парень! Видно, здорово сечет в технике!»

Гриша Табачников, торопливо стуча по ступенькам, выволок свой велосипед на улицу и, сильно нажимая на педали, помчался на то место, где лежала зеленая спортивная сумка. Должна была лежать...

Да, вот оно — это самое место... И хрупкие пластмассовые льдинки еще отсвечивают ломаными гранями на асфальте...

Сумки не было...



Оформление Т. Панкевич



Если «Костер» путешествует по Северу, почему бы и «Зеленым страницам» не отправиться в путешествие в Арктику, в тундру, в Заполярье?

«И что же на Севере за природа?» — спросите вы. Еще какая природа! Летом, к примеру, цветов! И синих, и желтых, и белых! И лес есть. Правда, по колено. И деревья — толщиной с карандаш. Ивы есть и березы. Карликовые... Птиц — видимо-невидимо. Есть песцы, лемминги, полярные волки. О моржах, тюленях и белых медведях и говорить нечего! И уж если называть кого «царем зверей», так это — белого медведя. По силе среди зверей найти ему равного — трудно... Белый медведь может поднять на крутой берег убитую белуху весом более тонны!



НЕВИДИМКА ТУНДРА

— А я, розовая чайка, тоже невидимка. Все чайки белые, а я розовая-розовая, как вешняя заря. Мною каждый бы рад полюбоваться. Только мало кому посчастливилось меня увидеть. Живу я в самых непроходимых тундровых болотах. В самых безлюдных местах. Потому и уцелела...



— Я — белый журавль. Я — весь белый — с ног до головы, а ноги — красные. И клюв красный. От этого меня можно за версту увидеть. Только я — невидимка. Живу в таких пустынных местах, где и люди то бывают редко. А если появятся, я их первый замечу и улечу.

Я — птица осторожная. Хоть и заметная, — а настоящий невидимка.



— Я — тундровый лебедь. Похож я издали на лебедя обычного, кликуна, только поменьше. А уж редкий-редкий! Меня если и посчастливится увидеть — только издали. Очень мало нас в тундре осталось. И на земле не увидишь, и в небе — тоже... Невидимка.

Н. СЛАДКОВ



Знаешь ли ты?



Что в Арктике встречается двести видов мха. А лишайников — пятьсот видов!

Что цветковых растений ученые насчитывают до трехсот видов! И цветут в Арктике даже незабудки и полярные маки.

Что на Новой Земле описано пятьдесят пять видов паукообразных. И около трехсот видов насекомых...

ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

— Эй, птица-Глупыш, а птица-Глупыш!

— Чего тебе, Чайка?

— Да узнать хочу: отчего это тебя люди глупышом прозвали? Глупые вы, Глупыши, что ли?

— Не глупее других... А называли нас так — несправедливо! За нашу верность птенцам. Вы, чайки, если человек к вашему гнезду подойдет — фпр! — и улетели. А мы — нет. Хоть ногой человек на нас наступит, — птенцов не бросим... За это нас, верно, и прозвали — глупышами...



— Что это ты, Полярная сова, головой крутишь? Чем недовольна?

— Недовольная я, Песец, тем, что на обед мало блюд мне было... На первое — пуночка тощая. На второе — лемминг-мышь малоупитанная. На третье — всего-то дикий гусь — одни жилочки...

— Мне бы такой пир!

— Проходи, Песец, не завидуй... А то на четвертое блюдо — как раз и попадешь...

ЗИМА УПЛЫВАЕТ

РАССКАЗ

Жили мы тогда в поселке на берегу северной реки Алдан.

Широкий и глубокий Алдан. Быстрый и холодный. Не горная река, но и не равнинная — полугорная.

Зимой на Алдане вырастали торосы — ледяные горы. Ну, не то, чтобы настоящие горы, — полугорки.

Редко появлялось над рекой солнце. Бледное, сплющенное, будто кувалдой пристукнули.

Из какой же дали оно светило?! Еле-еле пробивалось через мороз, туман, снег, лед. Иногда что-то несуразное висело над рекой — два кривых солнца!

Морозный туман закрывал поселок. За спиной раздавались скрипучие шаги. Быстрее пойдешь — не отстает, бежишь — догоняет! Оглянешься — изморозь в воздухе дрожит. Так вот мороз и ходит по пятам.

Казалось, никогда не вырвется из-под льда

наша река. Имя-то даже холодное, ледяное — Алдан. Все же просыпалась, долбила лед — дон! дан! Рушились на глазах ледяные постройки.

Река быстро несла льдины. Наши, поселочные, уж давно уплыли. Теперь проплывали незнакомые, из дальних глухих мест. Что там на них зимой творилось?

Мы с ребятами бегали по старой барже. Льдины бухали в борт, и баржа тихонько вздрагивала, как во сне.

Темнело. А река не останавливалась. Все новые льдины, белея, проплывали мимо. Сталкивались, трещали. Даже как-то особенно хрипели.

Жутковато становилось смотреть на это белое в ночи движение. Целая долгая зима плывет день и ночь по Алдану. Хоть куда уж ей, зиме-то, плыть? Весна повсюду!

Ночью, наверное, поднимается зима в холодное покуда небо. Расползается меж звездами. И ждет, когда снова на землю падать.

А. ДОРОФЕЕВ





К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. БИАНКИ

Среди наших писателей, чьи книги для детей пользуются особой любовью, одно из первых мест занимает Виталий Валентинович Бианки. В чем секрет этого успеха? Книги Бианки «Лесная газета», «Чей нос лучше?», «Как Муравьишка домой спешил» и многие другие учат любить и знать природу. Они написаны мудрым учителем и смелым натуралистом, зорким художником и отважным путешественником. У Бианки было много учеников, рассказ одного из них о Виталии Валентиновиче мы печатаем.

ПРИОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ

С. САХАРНОВ

Рисунок Н. Куликовой

Он был — и это в нем главное — открывателем. Я узнал его уже тогда, когда он не мог бродить по лесам, не мог заглядывать в дупла деревьев, переворачивать в степи камни.

Он был болен, накрепко привязан к своей квартире, кабинету, столу. Но страсть исследователя по-прежнему владела им. Он открывал людей. Каждого нового человека он встречал улыбкой. Это была улыбка ожидания. Каждый гость мог оказаться землепроходцем, переводчиком с языка бессловесных, единственным хранителем тайны...

Это случилось сентябрьским утром. Я принес Виталию Валентиновичу свой старый рассказ для какой-то одному ему известной надобности.

Мы сидели в столовой, за широким, покрытым белой скатертью столом. В клетке на стене дробно стучал, подбирая зерна, лимонный кенар.

Через раскрытое окно в комнату вливался холодноватый осенний воздух.

Раздался звонок, дважды щелкнул замок — и в комнату вошел гость. Среднего роста, с курчавой бородкой. Вошел, тяжело переставляя ноги в кирзовых сапогах.

— Помню, помню, — сказал Виталий Валентинович. — Уральский лесник? Что хорошенького принесли?

И Виталий Валентинович исчез.

Дверь в его кабинет была приоткрыта. Я заглянул в нее. Виталий Валентинович сидел на краешке стула и, разложив на столе рукопись, нетерпеливо читал ее.

Через полчаса он вышел. Мрачный, насупленный.

Заметив это, мы стали прощаться.

Уже стоя в прихожей, я услышал голос Виталия Валентиновича.

— Что же вы, — устало, почти жалобно говорил он, — в лесу живете, о лесе пишете и ничего интересного, кроме истребления волков, там не нашли. И про истребление можно, только смотря как. Ведь каждый волк — это готовый сюжет. Помните Лобо? Тоже волка убили, а рассказ получился человеческий, о любви, о верности... Вот так.

Лесник прогудел что-то в свое оправдание.

— В рассказе не только длина и ширина должны быть, а и высота — идея, мысль. И потом вы пишете: «Я сел на пень». Пней-то, батенька мой, не бывает. Есть пни березовые, сосновые, осиновые. Одно дерево спилили, второе под топором легло, третье погибло в лесном пожаре. А пожар такой был, что его и до сих пор помнят. Пень пню рознь... Все это писать надо, и писать точно.

Он говорил отрывисто, утомленно.

Я понял, на кого он похож в эту минуту. На исследователя, которому не удалось открытие.

Гонорар по этой публикации передан в Фонд мира.





ВОЕНРУК

Юрий КАЛИНИН

РАССКАЗЫ

Рисунки А. Борисенко

В СТЕПИ

Мы шагаем за военруком. В нашем классе есть русские, казахи, один кореец, двое уйгур, армянин, украинцы — это из местных, да еще эвакуированные — тоже украинцы, русские, да еще белорусы, евреи и один латыш.

Вокруг звенящая кузнечиками, пахнувшая полынью североказахстанская степь. Босые ноги по щиколотку тонут в обжигающей пыли проселка.

Солнце палит нещадно.

Перед военруком понуро плетется запряженная в скрипучую бричку худая лошадь. Время от времени он прихлопывает ее для бодрости вожжами. Из рыжей шерсти дымком взбивается пыль и на ребристых боках остаются продольные следы.

Кузов брички застелен брезентом. Он свисает с бортов и трется ободами колес. В кузове бидон с питьевой водой и вилы.

Хочется пить, но без команды военрука и глотка не получишь.

— Подтянись! — прикрикивает он на нас. — Растянулись, как кишка!

Мы подтягиваемся. Идем еще километра два и наконец оказываемся перед просторным, недавно скошенным полем пшеницы. Стерня, точно гвозди, торчит из ссохшейся земли.

На другом конце поля пасется стадо телят. Они разбрелись в стороны от одинокой фигуры пастуха. В степной тишине слышен его петушинный срывающийся крик и хлопки кнута.

— Привал! Всем по кружке. Подходи без толкотни.

Вода вливается в нас, как в песок. Мы валимся у края пахоты, подставляя едва заметному ветерку намятые подошвы ног. Дремотно тяжелеют веки.

— Подъем!

Мы нехотя поднимаемся с земли.

— Поле проходим цепью. Дистанция — два шага до соседа. Смотреть в оба!

Окончание. Начало см. в № 1, 1984 г.

Мы делаем первый осторожный шаг по колючей стерне и вливаемся глазами в землю. Дело привычное — собираем потерянные при уборке колоски. Помогаем подшефному колхозу сдать хлеб государству. Идет война и каждый колосок в тылу — это все равно что патрон на фронте. По крайней мере, так утверждает военрук. Ему мы верим на слово. Он сам недавно вернулся с фронта.

Их не так-то и мало, этих колосков. Мешочки, в которые мы их собираем, скоро заметно распухают и тяжелеют.

За цепью ведет под уздцы лошадь военрук. Изредка останавливается. Нагибается. Подбирает и кидает на брезент пропущенные колоски.

Привал через каждые сорок пять минут, как в школе на уроках. Мы садимся на пахоту и начинаем шелушить в ладонях колоски. Сдуваем мякину и с наслаждением жуем созревшее пшеничное зерно. Во рту оно превращается в клейкую, вкусную хлебную массу. Проглотил — и новую порцию зерна в рот.

Часа за три колосков набралось не меньше как на половину борта кузова. Военрук вилами стал растрясать наш урожай равномерно по днищу.

Вдруг истошный крик пастуха, тревожный рев шарахнувшегося в сторону стада, хлопки кнута.

Военрук напрягся.

— За мной!

И, перехватив здоровой рукой вилы, бежит наперерез стремительно несущемуся за пригорком теленку. Мы плотной толпой бросаемся за ним, забыв о пахоте и стерне. Нам видна только голова и спина теленка. Но вот он круто повернул и помчался на нас. Выбежал на пригорок, и тут стало видно, как, нагоняя его огромными легкими махами, стелется матерый волчище.

Прыжок — и теленок летит на землю с перерезанным горлом. Жертва еще бьется, еще дрыгает ногами, а волк уже рвет у нее мясо на груди, упершись в туловище сильными лапами.

Военрук с ходу метает в зверя вилы. Тройчатки вонзаются в заднюю ногу. Волк, лягнув зубами и взыв, отскакивает в сторону и приседает. Свирепо скалит искаженную болью и злобой кровавую пасть.

Военрук резко свистит, и мы тоже начинаем свистеть, кричать и улюлюкать. Волк пятится от нашего напора, поджимает хвост и, хромя, но все же быстро, кидается прочь.

Пастух мечется по степи, сбивая телят в стадо.

— Заходи! Заходи! — кричит нам военрук, жестами показывая, как надо это делать, чтобы помочь пастуху.

Когда все успокоилось и телят собрали в стадо, выяснилось, что волки зарезали еще двух.

Пастух — парнишка, казах лет четырнадцати, — утирает слезы и благодарно смотрит на военрука.

— Испугался?

Парнишка кивает головой.

— Она из тот куста бежал! — показывает он рукой в сторону ручья. — Моя кнотом одного сбил. Спину попал. Больно! На месте крутился!

— Почему без собаки?

— Волк порвал. Собака один, волк много. Прошлый месяц.

— Без собаки не паси так далеко.

— Вода, трава! — показал на лощину кнотовищем пастух.

— И волки! — усмехнулся военрук. — Ладно. Надо охотников сюда навести. Давай телят на бричку. Отвезем их председателю, а то дадут тебе жару за пропажу...

Мы закатываем брезент с колосками к передку брички. На освободившееся место громоздим еще не застывшие тела телят. Копыта торчат над бортами в стороны.

Эвакуированные отводят глаза. Картина для них непривычная...

Возбужденные происшествием, мы громко рассказываем, кто что увидел, размахиваем руками и украдкой поглядываем на военрука. Еще бы! Теперь мы знаем, каков он был в бою!

УРОК

Весна сорок третьего была тревожной.

Железнодорожники неделями не возвращались с работы. Дни и ночи на фронт шли составы с пушками и танками. Лозунг: «Всё для фронта, всё для победы!» — понимали все.

Позже, летом, зачистили похоронки и стали возвращаться искалеченные мужики. Разворачивалась Курская битва...

Именно в эту весну на далекой тыловой станции Жарма в Казахстане я понял, что человек может сделать все, даже такое, что поначалу кажется невозможным. И помог мне в этом наш школьный военрук.

В тот день он как обычно вошел в класс и, сложив перед собой опущенные руки, ждал, когда в классе наступит тишина. И как всегда, кисть его левой руки прикрывала беспалую правую. Он стоял невысокий, русочубый, в выгоревшей гимнастерке.

— Идем на сбор металлолома, — сказал он. — Вопросы есть?

Какие могли быть вопросы, когда над каждой доской висел лозунг о фронте и победе?

Металлолом мы собирали регулярно. Весной — после снегов, и осенью — перед снегами. Волокли к железной дороге всякий железный хлам: спинки от старых кроватей, лопнувшие ободы от тележных колес, бочковые обручи, дырявые оцинкованные ведра, стертые подковы, костыли со сбитыми шляпами, обломки рельсов и даже мятые листы истлевшего кровельного железа.

Между классами шло соревнование: кто первым сдаст металлолома на целый танк.

Собранное сбрасывали в кучи в двух местах: у тупика и у высоченной водонапорной башни.

— Наша задача, — сказал военрук, когда мы подошли к тупику, — погрузить металлолом в этот вагон. И тот, что здесь, и тот, что у башни. Вопросы есть?

Мы побросали на землю сумки с учебниками и приступили к погрузке. Мы кидали через высокий борт грузового полувагона куски железа, которые с грохотом падали на металлическое днище.



Когда забросили последнюю железку, я спросил:

— А паровоз-то когда подадут?

— Какой еще паровоз? — удивился военрук. — А мы для чего?

— Мы?!

Класс притих и с сомнением посмотрел на военрука.

— Становись! — приказал он. — Будем толкать.

Честно говоря, в тот момент мне показалось, что наш военрук от своих ранений и контузии немного тронулся умом. Мы и паровоз! Какое могло быть сравнение? Горячая, пытящая паром машина, способная рвануть полсотни таких вагонов, и мы — школьные доходяги...

— Становись, становись! Не мешкай!

Военрук уперся в сцеп вагона плечом.

— Нууу — ррразом!

Мы налегли на вагон, и я тут же понял всю тщетность наших усилий. С одинаковым успехом можно было толкать водонапорную башню.

— Не ослабляй! — свирепо рявкнул на нас военрук.

Его крик взбодрил нас, и мы без особой, правда, надежды, но все же старательно, стали давить вагон кто плечом, кто руками.

— Жми! Жми из последнего! — хрипел военрук. — Упрись сильнее!

От непомерной натуги у меня зазвенело в ушах, заныло и сползло с буфера плечо. Я поудобнее переступил ногами и вновь уперся в ржавую, наклепанную в центре тарелку. Но плечо опять сползло, и от мелькнувшей догадки удивленно екнуло в груди.

— Пошел! — закричал военрук. — Не ослабляй!

Неужели и вправду пошел? Неужели мы смогли сделать это? Но вот опять сползло плечо. Надо снова переступить ногами. Вот и другие переступают.

Вагон сантиметр за сантиметром шел по рельсам.

— Разгоняй! — кричал военрук. — Не останавливайся! Вперед!

— Тук! — стукнулись на первом стыке рельсов колеса. И этот привычный для слуха звук окончательно убедил в том, что мы сделали невозможное, что это не огромный паровоз толкает вагон, а мы — пацаны!

— Тук-тук! — колеса на стыках. — Тук-тук.

В тот день мы погрузили весь металлолом и даже подкатили вагон к составу, с которым он и ушел куда-то на завод превращаться в наш танк.

Вечером я рухнул в постель и мгновенно заснул. Во сне я снова толкал этот вагон. Толкал на пределе сил, и когда эти силы слабели, меня подбадривал хриплый срывающийся голос военрука:

— Не ослабляй! Вперед! Вперед!

ДАЛЬНОСТЬ ПОЛЕТА

Была у нашего военрука одна странность. Скажет что-нибудь, относящееся к фронту, и замолчит. Уставится глазами в одну точку и начинает дышать глубоко, шумно. Ноздри раздуваются. Тут хоть кричи, хоть бесись — ничего не услышит. Очнется, тряхнет головой, оглядится и продолжит урок.

Говорили, что это от контузии.

А уроки он проводил всегда интересно. Уроки мелькали. Быстро. Видимо, оттого, что проводил он их на свежем воздухе. А еще и оттого, что очень они напоминали наши игры в войну, которыми мы увлекались бесконечно.

С легкими деревянными винтовками мы бегали по двору школы, парировали воображаемые выпады противника, не задерживаясь, били прикладом по туловищу волосяного чучела и следующим движением кололи штыком пересоший, сплетенный из побегов бурого тальника щит. Словом, отрабатывали действия солдата в рукопашном бою, известные, надо полагать, еще при генералиссимусе Суворове.

Зимой мы учились рыть индивидуальные ячейки. Весной, когда подсыхала земля, военрук заставлял нас учиться перемещению по-пластунски. Отмеривал от забора рубеж, брал в ладонь часы и командовал:

— Пошли!

Мы падали на землю и начинали неуклюже ползти.

— Зад не поднимай! — кричал военрук непоседливому Юрке Хотяну. — Пулю схлопочешь! Как сидеть будешь?

— Стоя! — парировал находчивый Юрка.

Мы смеялись. А Юрка, дурачась, кричал, что главное — защитить пузо, куда пищу кладут.

— Отставить смех! Отставить разговоры!

Мы влипали в землю и ползли к воображаемому доту.

— В атаку! — резко кричал военрук. — Броском! Марш!

— Уррраааа!

Мы вскакивали на ноги и наперегонки неслись к забору.

— Ну, сегодня ничего... — глядя на часы, одобрял нашу резвость военрук и невнятно бормотал:

— Погибло вас всего процентов двадцать.

В межсезонье, когда земля раскисала от дождей, шло обучение технике. Военрук ставил на учительский стол пулемет Дегтярева или трехлинейку с граненым штыком. Молниеносно разбирали их и так же стремительно собирал, называя по ходу детали и операции. С тех пор сочетание слов «стебель-гребень-рукоятка» помню, как народную поговорку.

Самое скучное начиналось, когда он переходил к теории. Не очень-то интересно было узнавать, для чего существует планка подъема, для чего мушка, прорезь, как их совмещать, как брать упреждение и высоту прицела. Мелом военрук рисовал траектории полета пули, снаряда, мины. Из этих уроков, между прочим, мы узнали, что дальность полета винтовочной пули составляла несколько километров, да и то с учетом ее излета, где она не имела убойной силы. Снаряды летали дальше. Километров на двадцать-тридцать, но зато взрывались одинаково — что в начале полета, что на взлете.

— Так что в Жарму ни снаряд, ни пуля не долетят... — сказал военрук.

Снаряды, что правда, то правда, в Жарму не залетали, но взрывы мы все же видели.

Над Жармой нависал невысокий гранитный хребет. В одной из ложбин хребта работал карьер по добыче щебенки для железной дороги. Прямо из окна школы видны были фонтанчики взрывов, дымки от которых сносило ветром.

Поиски динамита, капсюлей, патронов, на худой конец, резины от противогозлов для рогаток — являлось нашей постоянной заботой.

До сорок третьего года с этим было туго. А в сорок третьем по железной дороге сплошным потоком пошла на заводы техника. Платформы шли, груженные искореженными орудиями, минометами, опаленными, без башен или гусениц танками и остовами сгоревших автомашин. По большей части трофейная техника, но немало было и нашей.

Как грачи на свежую пахоту, слетались мы к таким эшелонам. В тайничках — кто под крыльцом, кто в сарае, кто на чердаке — хранили заветные мешочки с патронами, капсюлями, иногда даже с крупнокалиберными патронами-снарядами.

Камнями выбивали из патронов пули, сыпали в мешочки порох, уходили в степь и там подсыпали его в костер, отчего он вспыхивал ярким фейерверком. Мы едва успевали прикрыть глаза рукавами. А иногда и просто кидали в раскаленные уголья винтовочные патроны и, отбежав, ждали, когда они начнут разносить в клочья остатки костра.

Теперь все свободное время мы посвящали добыче боеприпасов и всякий раз бегали на станцию, как и в тот день, когда случилось неизбежное.

Резкий хлопок, точно близкий щелчок пастушьего кнута, ударил в железнодорожном поселке. Воробьи сорвались с деревьев и испуганной стаей свалились к пакгаузам. Мы прыгнули с платформы и помчались на звук.

От пустыря к железнодорожной амбулатории спешила кучка людей. Впереди бежал мужчина с мальчишкой на руках.

Когда он поднялся на крыльцо и вошел в амбулаторию, все уже знали, что принесли Юрку Хотяна, что он на пустыре разбивал камнем капсулю от мины.

В запертую изнутри дверь амбулатории рвалась Юркина мать...

Через месяц, в бане, мы рассмотрели Юркино пузо. Оно было иссечено неглубокими шрамами, точно у Юрки был не один пупок, а штук двадцать. От смерти его спас ватник и камень, который он держал в руке перед лицом. Глаза оказались нетронуты.

Родители провели чистку наших тайников. К прибытию эшелонов станционное начальство приказало выставлять сторожей.

На урок военрук вошел мрачный.

Выслушав рапорт дежурного, класс оставил стоять. Поглядел исподлобья.

— У кого еще остался боезапас?

Он был прав. Кое-что у нас все-таки осталось, но признаться о том просто так, за здорово живешь, дурачков не было. Признаешься — тут же все и отнимут...

— Так остался или не остался?

Мы молчали, глядя в пол.

— Эх, вы... — сказал он горько. — Боезапас — на баловство... Им надо фашистов уничтожать! А вы...

Он оцепенел, рукой схватился за стол, да так и простоял минуты две, тяжело дыша, раздувая ноздри.

— Эх, вы... — повторил он, когда очнулся. — В войну пули и снаряды летают так далеко, как ни в одном уставе не записано... Сесть!

Мы зашумели партами.

Он выпрямился. Обтянул под ремнем гимнастерку. Сел за стол и неожиданно жестко сказал:

— Кто хочет победы, тот завтра принесет все, что осталось.

Назавтра мы принесли все до последнего патрона.

Среди нас не было тех, кто не хотел победы.

ЗИМА В ЗООПАРКЕ

На деревья, на клетки, на крыши
Выпал первый пушистый снежок.
И сказала тихонько Мартышка:
«Стал холодным мой яблочный сок».

«Да, да, да, — ей Жирафа кивнула, —
Наступают опять холода».
«Перетерпим», — прорыкнула Пума.
Белый Мишка вскричал: «Не беда!»

Но сказал зоопарка директор:
«Нужен дом тем, кто любит жару».
В зоопарке сияет прожектор,
В теплый домик ведут Кенгуру.

Слышны выкрики Белых Медведей —
Жалко им уходящих соседей,
И кричат на прощанье Мартышки:
«До свиданья, полярные мишки!»

Ира Михайлова,
Ленинград

ВЕСНА ВСЕ БЛИЖЕ

У нас зима стоит в разгаре,
А солнце светит все сильнее,
Весна как будто бы не знает,
Что рано к нам являться ей.

Весна не знает — и подходит,
Все ближе, солнечней, светлей,
И за собою нас уводит,
И мы все больше верим ей.

Света Яковлева,
Чебоксары

КОСМОС

О космос, космос необъятный,
Как много тайн кроется в тебе!
Бываешь ты холодным и опасным,
И неизвестным, и прекрасным.
И неизвестно — есть ли, кроме нас,
Живые существа в тебе...

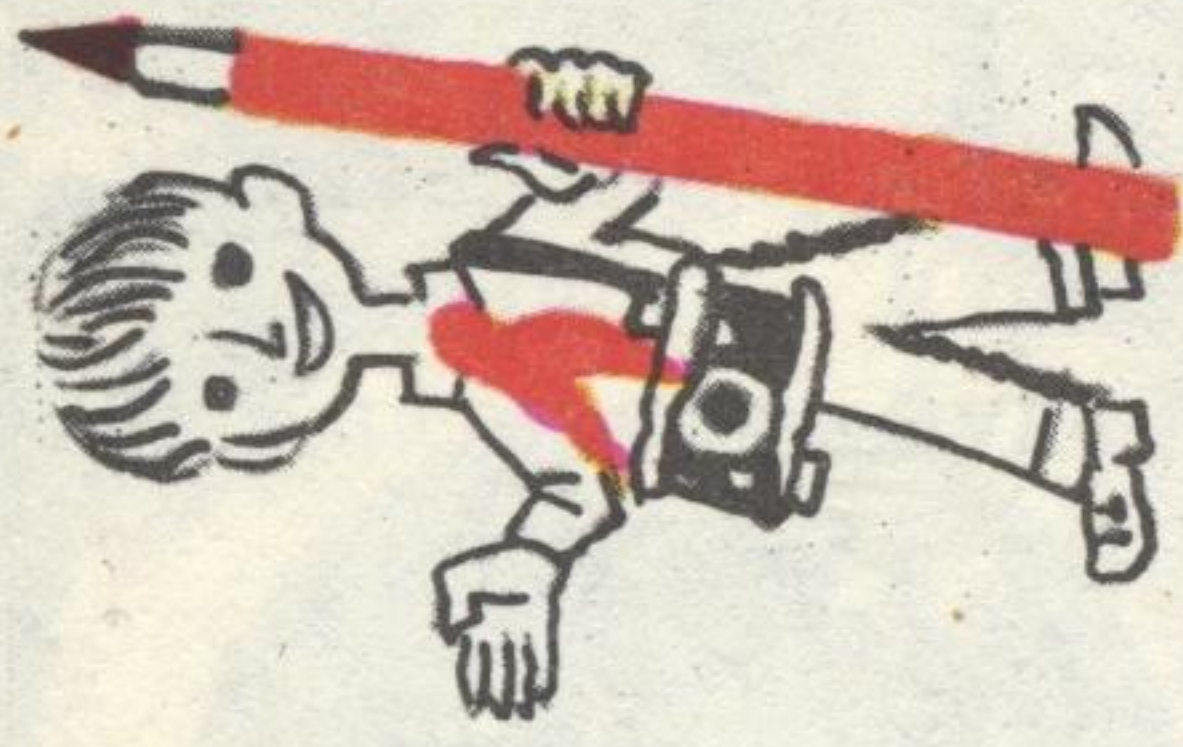
Катя Вотина,
Черкесск

МАЯК НАДЕЖДЫ

На высокой скалистой горе,
Возле Мыса Надежды, у моря
Замигал одинокий маяк.
Он горит и горит на просторе.
Волны снова шумят и шумят.
А маяк оживленно мигает.
Курс — норд-вест!
Мимо чайки летят,
И корабль мимо скал проплывает.

Слава Бондаренко,
Запорожье
Рисунок М. Милеевой

БАБА НА 2



БОЕВАЯ
АРМИЯ
РЕБЯТ
АКТИВИСТОВ
БОРЕТСЯ,
АГИТИРУЕТ,
НАХОДИТ!

Имя Ленина в сердце каждого! Верность партии делом докажем!

Твое мнение, товарищ!

Когда выбрали Нину Виноградову командиром отряда, я была не согласна, но руку подняла «за». Я боялась подвести подругу. Ведь она обиделась бы, если б я выступила против. Нина училась у нас всего год, но я с ней подружилась и узнала ее лучше, чем все остальные ребята. Нина излишне стеснительна. Она почти никогда не выступала на пионерских сборах, кроме одного — когда отряд подводил итоги работы за год. Она выполяла не очень ответственное поручение и справлялась с ним. Но сейчас я вижу, что мы поторопились с выбором.

Почему ее решили выбрать командиром? Чтобы лучше узнать ее возможности? А может, потому, что всем было все равно, кого выбирать?

*Лена Штурманова,
Чита*

Задание юным всем сподручам конец сподручам

Подумайте вот над чем:

1. Можно ли голосовать за председателя только потому, что он твой друг? Обидится ли он, если ты проголосуешь против?

2. Кто такой командир? Какими качествами он должен обладать?

3. Есть ли в твоём отряде те же проблемы, о которых написала Лена Штурманова? Как, по-твоему, их можно преодолеть?

Свои размышления и предложения присылайте по адресу: 193024, Ленинград, Мытинская, 1/20, редакция журнала «Костер», «Барabanу».

На конверте сделайте пометку: «Задание № 2».



ПЯТИЛЕТКА В КРАСНОМ ГАЛУСТУКЕ

Недавно на областную станцию юных натуралистов пришло радостное для всех нас известие. За отличную опытную работу по выращиванию сельскохозяйственных культур трое наших товарищей — Мерджен Сапарлиева, Мерзан Рахимов и Шемшат Бешерова — награждены медалью «Юный участник ВДНХ СССР».

На станции занимается более 400 ребят из разных школ. Мы учимся агрономии, ботанике, селекции растений, проводим интересные эксперименты. Вскоре мы проведем месячник по посадке и уходу за фруктовыми садами. А в мае уже будем трудиться на хлопковых полях.

*Тимур Мирзоев,
Ташауз*

У многих ребят из нашего села родители работают в лесхозе. А за пионерами хозяйство закреплено около 1000 гектаров лесных угодий. Мы выращиваем саженцы, изучаем методы борьбы с вредителями, собираем семена деревьев и лекарственных трав. По заданию пединститута проводятся эксперименты по акклиматизации пихты и лиственницы. А называется наше школьное лесничество — «Скворец».

*Игорь Смирнов,
село Бородулиха,
Семипалатинская область*



ПИОНЕРСКИЙ ПОИСК

Второй год наш отряд занимается поисковой работой по истории пионерии. На Всесоюзной радиолинейке наш отряд получил задание собрать материалы о первых пионерских отрядах и организаторах пионерского движения в Баку. Мы обратились за помощью во Дворец пионеров и школьников им. Ю. Гагарина в кабинет истории пионерского движения Азербайджана. Так мы стали членами отряда «Пионерский поиск».

В кабинете собрано большое количество подлинных фотографий первых пионерских отрядов. Но часть из них не аннотирована: неизвестно название отрядов, изображенных на фотографиях, имена отдельных лиц. Вот с этого и началась наша работа. Узнав адреса нескольких ветеранов пионерского движения, мы решили обратиться к ним за помощью. И сразу же повезло: Сдобникова Евгения Артемьевна узнала на двух фотографиях своих подруг, с которыми она в конце 20-х — начале 30-х годов помогала в организации пионерских отрядов, дала их телефоны и адреса. Теперь мы проводим поиск, узнаем не только имена людей, изображенных на старых фотографиях, но и какими интересными

делами был славен их отряд, какие песни любили они петь, узнаем, как прошла жизнь замечательных людей, сохранивших верность пионерскому галстуку.

Лада Рещекова,
6-е класс,
школа № 160,
Баку

Наша школа расположена на территории бывшего Командантского аэродрома. Именно отсюда в тяжелые годы блокады началась воздушная Дорога жизни. С Командантского аэродрома отважные летчики, рискуя жизнью, переправляли на Большую землю из окруженного врагом Ленинграда женщин, детей, раненых.

В школе у нас открыт музей «Икар» — музей истории Командантского аэродрома. Мы разыскиваем летчиков, механиков, рабочих аэродрома, создавших «Воздушный мост» блокадного Ленинграда.

На аэродроме рука об руку со взрослыми работали и пионеры. Они выполняли ответственное задание — забирались в узкую хвостовую часть самолета, куда не смог бы пролезть взрослый человек, и обшивали специальными иглами деревянный каркас самолета плотной материей. Мы знаем теперь их имена. Это Галина Васина, Юрий Макаров, Галина Орлова и многие другие. Они — желанные гости нашего музея.

Миша Грудовик,
Миша Столяров,
красные следопыты 66-й школы,
Ленинград



ПРАЗДНИК В СЕЛЕ

Витя Петренко, 11 лет, поселок Корф, Камчатская обл.

Горжусь своим братом

С 23 по 30 января в пионерских дружинах страны прошел Всесоюзный сбор «Имя Ленина в сердце каждом! Верность партии делом докажем!», посвященный 60-летию приобщения пионерской организации имени В. И. Ленина.

«Барaban» ждет ваших сообщений о том, как прошел сбор. Лучшие будут опубликованы в 5-м номере «Костра».

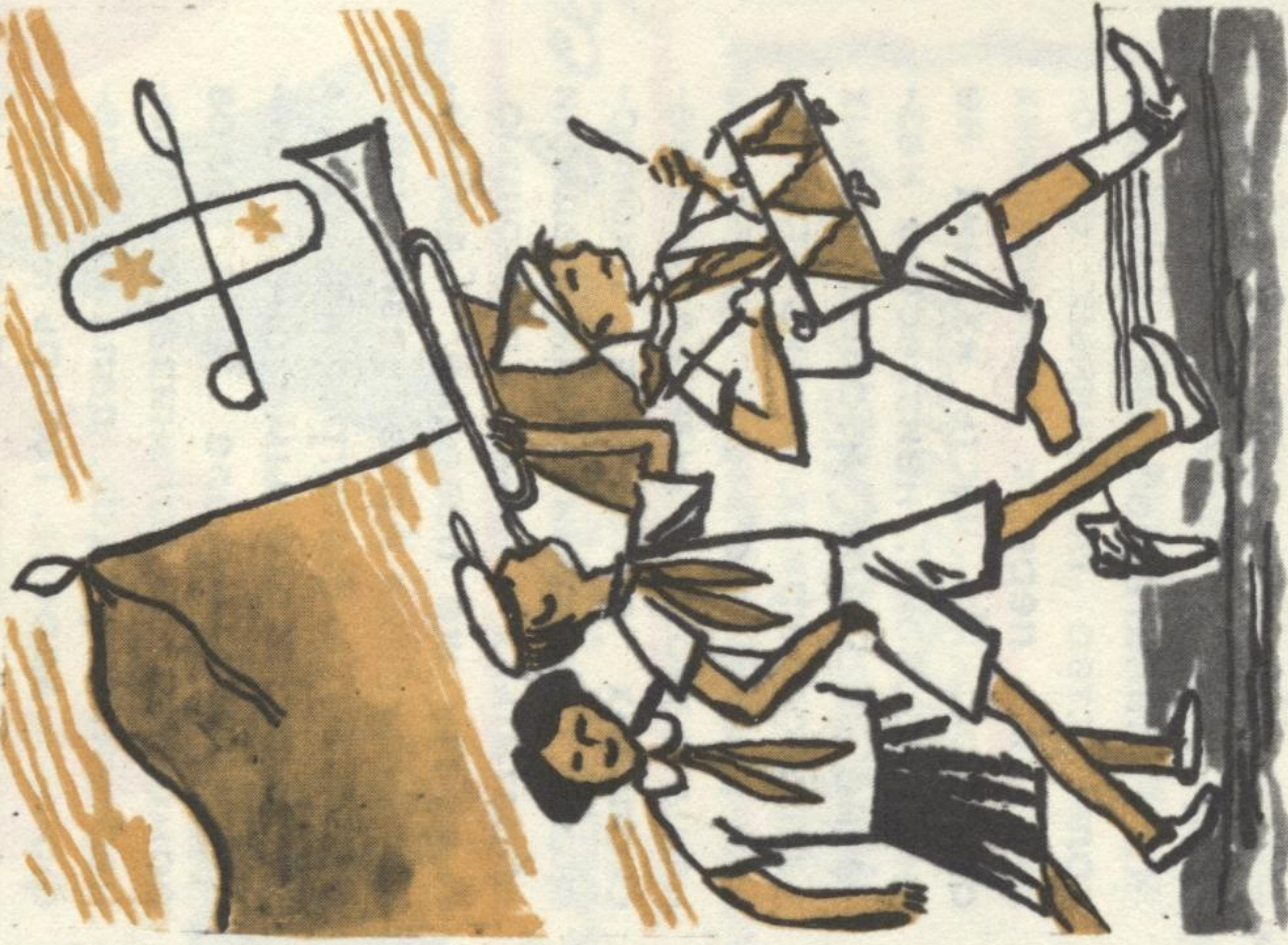
Моему брату 26 лет. Он работает строителем на БАМе.

Мой брат очень смелый человек. Однажды с ним был такой случай. Брат возвращался домой очень поздно и заметил, что двое неизвестных хотят угнать во дворе чью-то машину. Брат не побоялся, кинулся к ним. А ведь он был один. Бандиты пригрозили ему, но он не отступил.

Миша Миронов,
4 класс,
Ленинград

НА СТРАНИЦАХ "БАРАБАНА" 60 ЛЕТ НАЗАД

БАРАБАН



Эй! Кто как соня дремлет,
Не будь бездельником, встань!
Город, село и деревню
Будит наш «Барабан».
Не надо жужжать, как муха,
Вагоны ненужных слов;
Барабан у того над ухом,
Кто не всегда готов.
В тех, кто еще не с нами,
Кто стоит, как старый баран,
Разожги пионерское пламя
И опять у костра барабаны!
Пионер Е. Крекшин

Наши грузы!

В Германии они насчитывают сейчас 30 000 членов, издают свой журнал «Юный товарищ».

Во Франции — 3000 детей рабочих объединены в коммунистические детские группы. Их можно узнать по значку с «серпом и молотом», который они носят на своих шапках.

В Италии — 4000 детей, организовавшихся еще во время захвата итальянскими рабочими фабрик в 1920 г., идут за Комсомолом, преследуемые и разгоняемые фашистами.

Уроженка

Юные спартаки Украины собрали в пользу бедствующих детей Германии 229 долларов.



12 вагонов дров разгрузили Сокольнические пионеры Москвы и деньги внесли в пользу детей Германии.

ВНИМАНИЕ! ФОТОКОНКУРС!



МИР, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ



Девиз фотоконкурса — «Мир, в котором мы живем» — предложила наша читательница из Омска Лена Семченко. В конце года будут подведены

итоги. Победителей ждут подарки и почетные дипломы «Костра». «Барабан» желает успеха всем юным фотокорреспондентам!



ЗИМА
Фото Иры Хорошиловой,
Кокчетав



НОГИ
НИКОГДА НЕ ПОДВЕДУТ
Фото Саши Иванова,
Челябинск



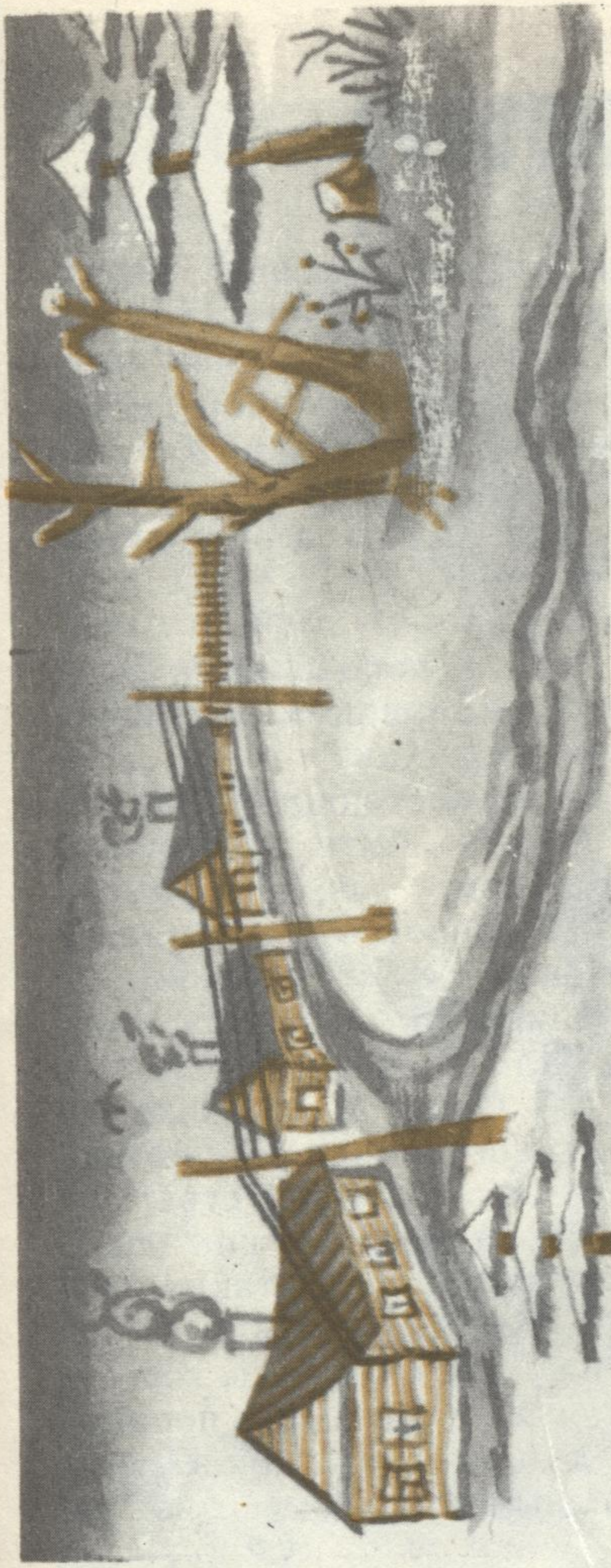
Я живу в Свердловске, учусь в 5-м классе английской школы. Я дружу с индийской девочкой Шейлой Дас. Ей 11 лет. Она родилась в Дели, но сейчас живет в Мадрасе со своими родителями, братом и сестрой. Шейла сочинила стихи и прислала их мне. Напечатай их, пожалуйста, «Барабан». Может,

кто-нибудь из ребят сумеет сделать к ним перевод.

С уважением,
Марина Кириллова

Выполняем просьбу Марины. Вот стихотворение Шейлы Дас «Глобус». За работу, юные переводчики! Лучший перевод будет напечатан.

*A Globe
A'm Looking
at the globe
And I see five
mainlands.
All the world
is in front of me:
cities, rivers, lands I see-
there are Moscow, Rome,
Madras
See you later.
Sheila Das.*



СИБИРСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Таня Коверова, 13 лет, поселок Алука, Камчатская обл.



Летающие записки

ФЕЛЬЕТОН

Шла контрольная по алгебре. Не успела Лена, наша отличница, открыть тетрадь, как на ее парту плавно опустилась записка: «Срочно: второй номер, первый вариант — «Белочкой» в столовой угощу». Лена была сладко-ежкой, и автор записки это знал. Только Лена отослала ответ, как приземлилась другая записка: «Напиши ответ задачи — от дежурства освобожу» — обещал староста Васильев. Дежурить Лене не хотелось, и, чтобы написать ответ Васильеву, пришлось решить его задачу. А записки все прилетали и прилетали. Ей обещали значок, обещивали участие в сборе, обещивали от макулатуры... Записки

носили характер бедствия, как летающие тарелки, если бы они вздумали приземляться. И оно вдруг случилось, это бедствие. Совершенно неожиданно прозвенел звонок. Лена вздрогнула: тетрадь у нее была абсолютно пустая...

Таня Седленок,
6 класс,
школа 258,
Ленинград





САМАЯ МИРНАЯ АРМИЯ



Командующий «Зарницей» дважды Герой Советского Союза генерал армии Иосиф Ираклиевич Гусаковский беседует с юнармейским отрядом Ульяновской ордена Ленина и имени Ленина школы № 1.



Почти две тысячи ребят приехали в Днепропетровск на 10-й юбилейный Всесоюзный слет военно-спортивной игры «Зарница». Приехали лучшие из лучших. Почти 90 юнармейских отрядов со всех концов нашей страны.

Юнармеец — гордое звание! Ребята, попавшие на Всесоюзную «Зарницу», особенно им гордятся. Каким же он должен быть, настоящий юнармеец? Может быть, отличным спортсменом, как, например, Боря Моденов из команды Бурятской АССР — чемпион республики по лыжному слалому. Или настоящим снайпером, как Саша Мищаненко из 1-й Ульяновской школы, выбивший 50 очков из 50 в стрельбе из мелкокалиберной винтовки. Или, быть может, таким же ловким и храбрым, как Сережа Рожнов из команды города Костромы, который первым поднял вымпел «Зарницы» над командным пунктом «противника». Юнармейцу нужно уметь быть разведчиком и стрелком, связистом и санитаром, военкором и даже поваром. И все же, главное, что отличало всех ребят, приехавших в Днепропетровск, — это возросшее чувство ответственности за мир на планете. Именно это придавало мальчишкам и девчонкам силу и мужество в нелегких состязаниях, заставляло юнармейцев быть на «Зарнице» настоящими бойцами. Скоро они повзрослеют, эти ребята. Мир по-прежнему будет в надежных руках. Недаром на торжественном закрытии 10-й Всесоюзной «Зарницы» председатель Центрального Совета ВПО им. В. И. Ленина А. Ф. Федулова назвала армию юнармейцев самой мирной армией на земле.

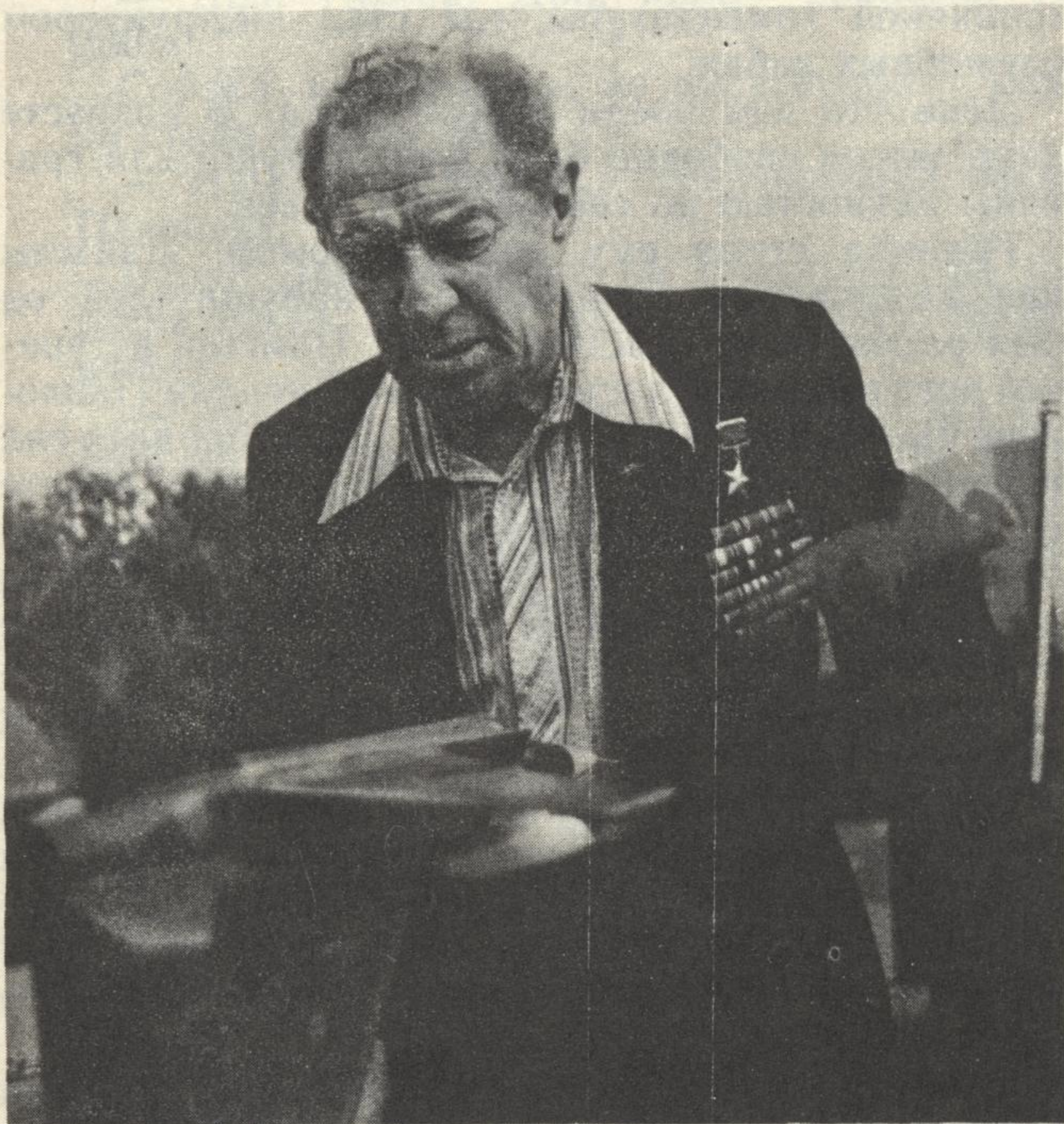
Г. РАЗУМОВ
Фото автора

В атаку!

Полоса препятствий.



Победа! Вымпел «Зарницы» над командным пунктом «противника» первым поднял Сережа Рожнов из команды Костромы.



Заслуженный летчик-испытатель СССР, Герой Советского Союза Константин Константинович Коккинаки осматривает приз Главнокомандующего войсками ПВО СССР.

ПОГРАНИЧНАЯ СОБАКА

Марк ВЕЙЦМАН

Прочь привычные забавы,
поважней дела у нас —
пограничная собака
к нам пришла на классный час!
Рассказать она не может
про свое житье-бытье,—
и сержант Иван Рогожин
выступает за нее.
Мол,— овчарка,
Кличка — Жанна.
На заставе — третий год.
Восемнадцать задержаний,
Два ранения в живот.
День и ночь стоит на страже
государственных границ.
Аккуратна, вроде наших
самых лучших учениц...
Как спокойно перед нами
Жанна умная сидит.
Человечьими глазами
как внимательно глядит!
Улыбаясь еле-еле,
Скаля белые клыки...
Ну, а мы — спешим в портфели
спрятать наши дневники!

Рисунок Т. Обнорской



ДОН

РАССКАЗЫ

В. КЕЛЬБИН

Рисунок К. Почтенной

ЗНАКОМСТВО

Еще в 1945 году, сразу же после окончания Великой Отечественной войны, у старшины погранотряда Сызранова Василия Павловича при задержании в Карпатах вооруженного нарушителя границы была убита розыскная собака. Старшина взамен убитой получил другую. Целый год он мучился с новой собакой, слабо поддававшейся дрессировке. Так бы и маялся Сызранов с этой непонятливой собакой, надеясь когда-нибудь добиться от нее хороших результатов. Но...

Однажды в мае 1946 года Василий Павлович чисто случайно попал в отрядный питомник служебных собак. Прохаживаясь возле вольеров с собаками, он обратил внимание на молодых щенят, возившихся около своей матери, — крупного и красивого зверя. И на первый взгляд казалось, что это было пять одинаковых пушистых сереньких комков.

Но один из них, выделяясь бойким характером, был шустрее других и успевал растормошить своих братьев и сестер. А когда старшина перешел на другую сторону вольера, пушистый комочек, бросив игру, подкатился к нему, и стал ласкаться к протянутой руке.

Это, как говорят, была любовь с первого взгляда.

Проходивший мимо лейтенант Сударев — начальник службы собак отряда — увидел Сызранова у вольера и спросил:

— Товарищ старшина, что это вы здесь присматриваете?

— Да вот, товарищ лейтенант, люблюсь этими щенками. Больно уж они красивые, серенькие и все похожи на свою мать. Хорошо бы вот этого непоседу взять себе. Я бы из него подготовил неплохую розыскную собаку. А то у меня сейчас такая, что второй год маюсь, а толку никакого!

— Ну, что ж... Забирайте щенка, — немного подумав, сказал Сударев. — Пусть он будет хорошим помощником в вашей службе!

Взял Сызранов на руки трехмесячного щенка и увез на заставу в Карпаты.

ВЗРОСЛЕНИЕ

Назвал Василий Павлович своего друга Доном. Быстро рос щенок. Часто его баловал Сызранов сахаром и рыбьим жиром, который Дон

уплетал с особым удовольствием, а когда поспевали яблоки, то не отказывался и от них.

Щенок на глазах вырастал в молодую, очень умную и старательную собаку. Его поставили на все виды довольствия, хотя еще много Сызранову предстояло с ним поработать.

Как-то месяцев через шесть на заставу заехал лейтенант Сударев. Он помнил и интересовался судьбой своего подарка.

— А как поживает наш Дон? — спросил он у Сызранова.

— Растет, товарищ лейтенант! Чувствует себя хорошо. Одним словом, умная собака будет!

— Василий Павлович, а не пора ли приучать его к работе по следу?

— Товарищ лейтенант, да я уже начал с ним тренировки.

— Ну, и как?

— Можете себе представить: след давностью до двух часов уже берет уверенно.

— Так это ж великолепно, старшина! Добивайтесь, чтобы к годовалому возрасту Дон брал след давностью четыре-пять часов, как взрослая собака, — сказал Сударев, радуясь за старшину и его воспитанника. А потом, прощаясь, добавил:

— Одно только хочу сказать. Дрессируйте по наставлению служебного собаководства. И без всяких отступлений и поблажек! Сделайте из него настоящую пограничную собаку.

ЗАДЕРЖАНИЕ У ТИСЫ

А когда Дону исполнилось 14 месяцев, Сызранов, передав в сторожевые собаку, которая не поддавалась дрессировке, вместе со своим четвероногим другом был переведен в управление пограничной комендатуры, где стал инструктором служебных собак.

День ото дня росли успехи Дона. В возрасте двух лет он свободно брал след нарушителя границы давностью до семи-восьми часов.

Граница стала ему родным домом. Дважды при задержании вооруженных нарушителей он был ранен, но, к счастью, легко. Помощь врачей погранотряда, ласка и забота Василия Павловича быстро ставили его на ноги. Он набирался сил и снова становился в строй, снова шел вместе со старшиной Сызрановым на охрану государственной границы. Как правило, ни одна боевая пограничная операция не проходила без участия в ней старшины Сызранова и ставшего знаменитым, закаленного и не раз испытанного в боевых схватках Дона.

Однажды в 1948 году на одной из пограничных застав у берега своенравной Тисы был обнаружен след нарушителя границы, ведущий в тыл погранотряда. На первый взгляд это, может быть, был вовсе и не след, а чуть-чуть примятая кем-то или чем-то трава.

И тогда на это место был вызван старшина Сызранов с собакой. Сел старшина верхом на кавалерийскую лошадь, взял на руки Дона и пять километров скакал галопом с двумя другими пограничниками-кавалеристами к берегу



бурлящей Тисы. Осмотрев след, Василий Павлович установил, что след оставлен нарушителем границы около шести часов тому назад.

Дальше начиналась работа Дона.

— Дон! Нюхай! Дон, ищи!— приказал старшина.

Собака, не торопясь, но настойчиво и уверенно стала искать след.

— Ищи, ищи, милый,— приговаривал Василий Павлович.

Вдруг Дон, взглянув на старшину, на мгновение замер, а затем, натянув поводок, бросился вперед.

— Молодец, Дон,— похвалил старшина и, быстро сев на лошадь, дал команду:— Дон! Вперед!

Дон уверенно пошел по следу. Старшина с двумя сопровождающими его пограничниками рысил следом. Добежав до лесной опушки, Дон вдруг остановился, потом заметался, нервничая и жалобно поглядывая на старшину.

Взглянув вниз, Сызранов сразу понял в чем дело: след был посыпан резко пахнущим светло-зеленым порошком. Опытный инструктор служебных собак не растерялся и стал делать от этого места круги все большего диаметра. Ему очень хотелось помочь своему другу. И Дон это чувствовал.

Дрожа от напряжения, он обнюхивал траву и, наконец, рванул поводок и снова побежал вперед. Стал уставать, но, не оглядываясь, все шел и шел. Потом вдруг встал, как вкопанный.

«Неужели снова потерял след?»— подумал старшина.

Но Дон резко развернулся и побежал назад. Через полкилометра он остановился, обнюхивая траву метрах в пяти от старого следа, повернул направо и бросился к оврагу.

Старшина чувствовал, что где-то здесь уходящий от преследования нарушитель. Он спустил Дона с поводка и дал команду:

— Фас!

Дон скрылся в зарослях оврага. Он быстро настиг бегущего нарушителя и молча прыгнул на него, ударив с такой силой своей могучей грудью, что тот упал, ударившись головой о пень и выронив из рук пистолет.

Когда подоспел Сызранов с пограничниками, нарушитель границы лежал без сознания, а на груди у него стоял рычащий Дон. Пограничники надели на нарушителя наручники и быстро привели его в сознание.

Дону, пробежавшему в тот день 19 километров и выигравшему поединок с опасным и вооруженным врагом, шел в ту пору третий год.

Отдыхая, он прилег у ног своего друга. Василий Павлович, как всегда в таких случаях, дал ему припасенные заранее три кусочка сахара и холодной водички из солдатской фляжки. Потом не спеша попил и сам. Вытер губы. Не торопясь завинтил крышку на фляжке...

Задержан в тот раз был матерый и очень опасный агент одной из капиталистических стран.

При помощи Дона было раскрыто пятнадцать крупных краж и других опасных преступлений. Маленький пушистый щенок вырос в отважного и умного помощника.



„МИР — ЭТО ЖИЗНЬ“

Корреспондент «Костра» ведет репортаж с митинга мира, состоявшегося в Ленинградском научно-исследовательском ордене Трудового Красного Знамени детском ортопедическом институте им. Г. И. Турнера.

Эти простые слова я услышала от мальчика лет двенадцати. Таким был его ответ на вопрос, что он понимает под словом «мир».

За окном жизнь. Разноцветные краски осени. Голубоватый воздух. И солнце, яркое, ликующее солнце.

— Красивая осень в Пушкине, — задумчиво произносит мой собеседник Расим Оруджев. — У нас не такая...

Расим — азербайджанец. Его, как и ребят других национальностей — русских, белорусов, украинцев, — в ортопедический институт привела болезнь. Они знают цену человеческого горя. И, может быть, уже совершили свой подвиг, борясь с болью и побеждая в себе страх.

Когда Эстафета Мира детей Европы пересекла границу нашей страны, ребята, вместе со всеми ленинградскими пионерами, стали ее участниками. Они собрались на митинг, чтобы призвать юность планеты бороться и отстаивать мир.

Сейчас обязан думать человек,
Придет ли к людям
двадцать первый век.

Эти строки прозвучали на митинге мира как предупреждение. И обращены они к юным. Ибо именно сейчас, в свои 11—12 лет, надо учиться быть борцом, чтобы защитить своих сверстников за рубежом, чтобы отстаивать жизнь на планете.

На трибуну поднялся подтянутый, седовласый человек, в форме капитана 1-го ранга — член штаба «Молодая гвардия» Василий Иванович Левашов.

— Они погибли, мои товарищи — краснодонцы. Мне же посчастливилось жить. Но не бывает дня, чтобы я не вспоминал Олега Кошевого, Сережу Тюленина, Любу Шевцову...

В те годы мне казалось, что до бесшабашности отважный Сережка Тюленин не знал страха. Повзрослев, я понял: страх был. Только каждый раз, идя на задание, он его преодолел.

вал. Никто не рождается борцом. Им становятся...

В зале сидят не обычные дети: это ведь все же не школьный актовый зал, а зал лечебного заведения. Многие перенесли тяжелые операции, многим они предстоят. Я вглядываюсь в повзрослевшие лица и думаю, что эти ребята уже способны быть борцами. Я услышала в тот день о бывшем пациенте и ученике этого детского учреждения Лене Миловском, который, преодолевая болезненную хромоту, работает следователем по особо важным делам, и о Людмиле Киселевой, долгие годы прикованной к постели, но ставшей замечательной художницей... Корчагины наших дней, вот кто они, эти ребята...

Один за другим поднимаются они и говорят гневно, убежденно:

— До тех пор, пока в мире есть безответственные политики, нужно быть готовым к отпору.

Людина Расулова, Нина Гайдук, Лена Трофимова, Дима Васильев, Расим Оруджев... Я запомнила их.

А потом ребята, все как один, подписались под обращением,



которое послали в комитет защиты мира:

«Ровесник! Борись за мир, и жизнь наша будет еще светлей и краше! Мы призываем тебя, твоих друзей умножить наши усилия в этой борьбе!»

Т. СКОБЛИКОВА
Фото О. Миронца



КОМАНДИР РЕБЯЧЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ

«Пробегают лыжня между сосен, среди синих сугробов бежит, только неба январского просинь, только ветер в дорогу манит. Республика Снежная — радость безбрежная...» Так начинается гимн Снежной республики. Республика эта необычная, ребячья — зимний лагерь пионерского штаба Томска. И штаб, и эту республику основал Олег Олегович Пирожков. И гимн республики он придумал.

Начинается все так. За несколько дней до Нового года в дальнее село отправляются «первопроходцы», находят заброшенный дом, топят его и обживают к приходу отряда. Вот уже много лет Новый год все штабисты справляют вместе возле живой елки, украшенной свечами. И пока не пробили куранты, они стоят вокруг костра, передают друг другу еловую веточку. У кого веточка, говорит о себе: каким был год, что было задумано и сделано, а что не получилось.

Я удивилась, почему в ребячьей республике много взрослых. И мне объяснили, что это «выпускники» штаба, воспитанники Олегыча, как они ласково называют Пирожкова.

За три дня в Снежной республике мы с ребятами много говорили об Олеге Олеговиче. И за всеми их рассказами стоял удивительно умный, обаятельный и интересный человек. Вот что я узнала и каким представила его себе.

Он родился в сорок первом, в год, когда его отец погиб на ленинградском фронте. Время было тяжелое, маленький Олег болел костным туберкулезом. После этого он немного прихрамывает, однако получил первый разряд по туризму, водит ребят в походы на плотках по реке Яе.

Он учился в университете на радиотехнике, которую любит и знает, но вдруг понял, что в жизни у него другое дело, другой путь. И бросил университет, пошел учителем рисования и черчения в школу.

Он принадлежит ребятам. В любое время после школы его можно найти в штабной комнате. Войдешь — отодвинет бумаги, пожмет руку, взъерошит волосы. Если Олегыч нужен утром, к нему можно залезть в окно. Правда, окно на втором этаже, но залезть туда мальчишке ничего не стоит.

Он собирает открытки с репродукциями картин художников, хорошо знает живопись. Когда штаб ездил в Москву, Олегыч еще в поезде начал рассказывать о Третьяковской галерее, и вокруг собралось много народу. А в Третьяковке за ним ходила целая толпа. Штабисты гордились этим, раступались, чтобы подошедшие могли послушать их Командира.

Он умеет говорить со всеми: с мальчишками, со своими сверстниками, со стариками. И всем он интересен.

Он создал не только Зимнюю республику, но и Солнечную — летний лагерь штаба. Часто в его палатке до света горит свеча, а утром он под гитару поет ребятам новую песню, днем ее знает уже вся Солнечная республика.

Счастлирое пионерское лето! Кажется, оно никогда не кончится. Впереди еще много дней. Рейды по ближайшим пионерлагерям, по селам, где всегда есть чем подсобить: воды наносить, крышу залатать, дров нарубить или огород прополоть. И обязательные футбольные матчи. И обязательные вечерние чтения. Олегыч любит Экзюпери, Грина, Паустовского, читает наизусть Блока. И все любят этих писателей, потому что их любит Олегыч, потому что невозможно быть рядом с ним и исповедовать другую веру, а он верит в жизнь, в дружбу, во все прекрасное. Его девиз: «Живи для улыбки людей!»

А Витя Кочергин... Впрочем, Витей он был раньше, а теперь — Виктор Николаевич, он закончил педагогический институт, и вся его жизнь связа-

на со штабом. И пусть лучше он сам расскажет про Командира.

КОГДА И „МУШКЕТЕРЫ“ БЫЛИ ДЕТЬМИ

Олегыч заменил мне отца. Не только мне, многим мальчишкам. Отец умер, когда мне было пять лет, а воспитывали меня мама с сестрой. Я был шустрый, все мне было интересно, хватался то за одно, то за другое. В третьем классе пришел во Дворец пионеров и записался в фотокружок, потом в школу горна и барабана, потом стал танцевать и петь, и наконец меня сделали солистом. И вышел из меня избалованный мальчишка, зазнайка.

Однажды вожатая сказала, чтобы в воскресенье я пошел в Школу пионерского актива. Я не знал, что это такое, решил сходить из любопытства.

Оказалось, интересно. Полсотни ребят. Главный — Олег Олегович, это он организовал Школу пионерского актива, а позже создал и лагерь пионерского актива. Кругом — беготня, суматоха. Но вот уже все разбились на отряды, перезнакомились, стали разучивать песни, которых я не знал, придумывать речевки, учиться ходить строем.

Вдруг — горн! За двадцать минут построиться — трудовой десант! Дежурные раздали пакеты с заданиями. Я попал в троллейбусное депо, скалывал лед с путей. Работали здорово и весело, не то что на субботниках в школе. Я удивлялся — почему? Теперь-то понимаю: во-первых, растормошил нас Олегыч, во-вторых, все произошло неожиданно и необычно.

Вернулись — снова игры и песни. Тут объявляют концерт «Молнию», на подготовку — пятнадцать минут. Меня попросили спеть, а я отказался, потому что нравилось, когда уговаривали. Тогда меня поволокли к Олегычу.



Глаза у него добрые, тонкая оправа очков. Тоже уговаривает. А я опять ломаюсь — не могу петь после работы на улице, голос сел и всякое разное.

Все-таки спел. Почему-то нельзя было отказать Олегычу.

Школа пионерского актива мне понравилась, ребята-водители и активисты — тоже, только я не знал, откуда они взялись, в нашей школе таких не

было. А вот я не понравился Олегычу. Оказывается, он давно меня заметил и наблюдал за мной. Я думаю, он захотел меня переделать, чтобы из меня не вырос дрянной человек.

Олегыч сказал мне: «Будешь ходить в штаб». Я стал ходить опять же из любопытства. Но в основном филонил, ничего не делал. Меня тянуло к ребятам-штабистам, но они были постарше, и я побаивался их. И вдруг зовет меня Боря Городецкий, комиссар звена «Мушкетеров», самого замечательного звена. Все мушкетеры стоят у мушкетерского знамени в плащах и при шпагах: Атос — Городецкий, холодный ум и горячее сердце; Портос — Женя Ухмылин, добродушный, надежный, защитит и поддержит, поест очень любит, а в рот у него входит четыре шарика от пинг-понга, попросишь — продемонстрирует; Арамис — Юра Фатеев, красавец, все девочки в него влюблены; и отважный Д'Артаньян — Вова Ковалев, командир звена.

Я даже надеяться не смел, что лучшие ребята штаба захотят со мной дружить. А они мне шпагу вручают. И поклялся я в верности.

Домой летел ошалевший от радости и не догадывался, что это Олегыч сказал ребятам взять меня в звено. Вот с этого момента и началась для меня новая жизнь.

После десятого класса я метался, не знал, куда поступить. Пришел к Олегычу, а он говорит: «Пойдешь в школу водителем». Я — ни в какую. Тогда он приказал: «Думай!» Включил Первый концерт Чайковского и ушел. Олегыч любил классическую музыку, мы часто в штабе слушали пластинки. Вот я и сидел, думал под Чайковского. Кончился концерт, появляется Олегыч. «Надумал? Тогда думай до утра». А утром огорошил меня: «Поехали в школу». Не хотел я, однако, поехал. Наверно, потому, что верил ему, знал: иногда он понимает нас лучше, чем мы сами себя. Есть у него такие строчки в песне: «Если хочешь, говори, если хочешь, помолчи... я и так тебя пойму».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Наталья Лобанова работает вожатой. Свою школу она сделала «туристской». Все каникулы и праздничные дни она с ребятами в походах. И на привалах у костра она поет с ними песни Олега Олеговича. Наташа спрашивает меня:

— Ты слышала про Солнечную республику? Вот представь: слева лес, справа речка. На большой поляне палатки, навес столовой. А над палатками, над речкой, над лесом — на мачте красный флаг. Его видно от железнодорожной станции, в окрестных селах и пионерлагерях. И вот вечером в лесу неожиданно раздаются голоса и смех. Олегыч всегда идет по тропинке встречать ребят. Это «выпускники» приехали. Все они в красных галстуках, хоть многие уже учатся в институтах, работают, многие семейные. И так каждый год. Двадцать шестого июня съезжаются ребята, чтобы поздравить Командира с днем рождения.

Сначала его качают столько раз, сколько исполнилось лет, потом линейка, праздничный ужин и подарки.

Темнеет медленно, луна выходит засветло. Лес стоит в голубой дымке. И тогда поют любимую песню Олегыча — «Маленький принц». Поют её редко. В день рождения обязательно.

Я люблю мерцающие угли. Только грустно на них смотреть, потому что догорает не только костер, кончается вечер, который никогда больше не повторится. Будут другие вечера, может быть, и лучше, но этого уже никогда не будет. И снова в костер подбрасываем сушняк, вспыхивает пламя, и улетают в ночное небо вьющиеся огненные змейки.

Маленькие к ночи устают, расползаются по палаткам. Утром они просыпаются, а старшие еще не ложились, все сидят у догорающего костра, не могут расстаться. Есть у Олегыча такая песня: «Помнишь, как ты однажды, в час, когда пришла пора расстаться, тихо прошептал: «Ребята, нам бы никогда не расставаться».

ВИТЯ ЗИМА И ЧТО СТАЛО С „МУШКЕТЕРАМИ“

Витя Зима учится в Ленинграде, в военно-морском училище подводного плавания. Но познакомилась я с ним в Снежной республике. И как вы думаете, о ком мы говорили? Конечно, об Олеге Олеговиче.

— Если бы не Олега, я бы стал хулиганом. Все вроде бы складывалось гладко: был отличником, семья благополучная, но начал подрастать и стало мне очень скучно, не знал, чем заняться. Тут я и встретился на свое счастье с Олегом. Теперь я много думаю о том времени и многие вещи понимаю совсем иначе, чем в детстве. До сих пор не по себе, как вспомню одну размолвку с Олегом. Я должен был прийти к нему, ожидал неприятного разговора. На душе тошно. Олегу — что? Наверно, и забыл про меня, а явлюсь — начнет разбирать по косточкам. Прихожу — нет его, наверное, вызвали куда-то. А на столе раскрытая тетрадь, там написано: «Милый Витя, что же мне с тобой делать?» Никакой разговор бы так не поразил меня, как то, что он ждал меня, думал обо мне. А родительское собрание? Мы «пропадали» в штабе, а дома ругались родители. Тогда Олег собрал родительское собрание. Дверь штабной комнаты очень долго была закрыта. А мы бродили вокруг и даже пытались подслушивать, что там делается, — ужасно волновались за исход. И вот родители выходят. Довольные, умиротворенные. «Обработал» их Олег. После этого они сами стали заглядывать во Дворец пионеров, а некоторые даже побывали в Снежной республике.

Уже перед отъездом я встретила с Зимой, Кочергиным и Наташей Лобановой во Дворце пионеров, в комнате штаба. Кочергин колдовал над большим электрическим кофейником, Наташа делала бутерброды. Я спросила, что стало с «мушкетерами».

— Городецкий — Атос — и

теперь наш комиссар, — ответила Наташа. — Если тяжело — к нему. А по профессии он глазной врач.

— Приехали с Женей Тарабриным на каникулы, — говорит Зима, — приспичило сыграть в футбол. А какой футбол без Городецкого? До него не добрались, пришлось записаться на прием в глазную клинику и отсидеть очередь. Вечером сыграли.

— Портос закончил спортофакультет педагогического, мастер спорта по самбо, — продолжает Кочергин. — Арамис — главный художник нашего ТЮЗа, а Д'Артаньян — инженер-радиотехник. Мы по-прежнему дружим.

Наташа подливает кофе, а Кочергин берет гитару. Они поют не знакомые мне песни, песни своего Командира. Но мне кажется, я когда-то их слышала, знала, пела с этими ребятами у костра, и взлетали в ночное небо вьющиеся огненные змейки.

В семьдесят седьмом году Олег Олегович приехал из «Орленка» загорелый и отдохнувший, хотя ездил не отдыхать, он много лет не брал отпусков. Он привез новые песни, был весел. Мимоходом, сам недоумевая, сказал, что почему-то часто болит голова да пальцы иногда немеют, не может зажать как следует струны на гитаре. Потом однажды он не пришел во Дворец. Ребята побежали домой — Олег в больнице.

Какие ему нужны лекарства? Пусть только скажут, потому что ребята все сделают, разыщут, достанут.

В Снежной республике, у елки, в тот год было сиротливо. Приехали «выпускники», привезли от Олега открытки. Он писал каждому, каким бы хотел его видеть и что нужно для этого сделать. А они подробно записали разговор у костра, чтобы передать Олегу в больницу.

Он не думал, что умрет, он твердо намеревался жить. И мальчишки не думали, не верили...

Костя Колбышев, теперь кур-



сант высшего военно-морского политического училища посвятил Командиру стихотворение. Есть в нем очень правильные строчки: «Те, кого мы любим, в нас живут». Если кто-то скажет, что нет Олега Олеговича, нет Командира ребята Снежной республики, это будет неверно. Потому что все продолжается.

Е. МАТВЕЕВА

ТРИ БРАТА

АФРИКАНСКАЯ СКАЗКА

Жил купец, у которого было три сына. Однажды, когда он вместе с сыновьями путешествовал караваном, торгуя тканями и железом в глубине Африки, ему стало плохо.

Позвав сыновей, он сказал:

— Дети мои! Много месяцев путешествовали мы с вами по этой чужой, негостеприимной земле. Мы не наторговали богатств и теперь я молюсь только об одном: как бы вам вернуться домой целыми и невредимыми. О себе я не думаю — мои дни сочтены.

Заливаясь слезами, братья слушали отца.

— Похоронив меня, — продолжал купец слабым голосом, — отправляйтесь назад к океану. При этом вы должны выполнить мои три завета: пусть все тюки в вашем караване будут пустыми, никогда не носите красных одежд и не бойтесь говорить вслух то, что думаете. По пути будьте внимательны и старайтесь изо всего делать правильные выводы...

Сказав так, купец умер.

Братья похоронили его, раздали все свои товары местным людям и с пустыми тюками двинулись в обратный путь.

Караван шел уже по дороге несколько дней, когда братья увидели в мягкой глине следы животного.

— Здесь проходил осел, — сказал старший брат.

— Он нес большой груз, — добавил средний.

— Он прошел всего несколько часов назад, — закончил младший.

Не успели они это сказать, как придорожные кусты раздвинулись и из них вышел одетый в пышные одежды правитель этого края.

— Кто вы такие и почему смеете судить о том, чего нельзя видеть? — грозно спросил он.

— Мы бедные купцы, возвращаемся к океану, чтобы попасть домой. А что касается наших слов, то они относятся как раз к увиденному, — отвечали братья.

— Это отпечатки ног осла, — пояснил старший.

— Они очень глубоки, значит осел был тяжело нагружен, — сказал средний.

— Следы не затоптаны другими животными, значит они оставлены недавно, — закончил младший.

«Они так умны, что сумеют и без всего разбогатеть!» — подумал правитель и приказал, отобрав всех животных и поклажу, выпроводить братьев за пределы его владений.

Оставив весь караван — носильщиков и ослов с пустыми тюками, — братья пошли дальше.

Спустя несколько дней они увидели под деревом у дороги новые следы.

— Тут отдыхала женщина, — сказал старший.

— Муж ее небогатый человек, — добавил средний.

— На спине она несла ребенка, — закончил младший.

Владимир ПРОТАСОВ

ВОЛКИ

Воют волки:

— Нет покоя.

Взрыв за взрывом
над тайгой.

Ночью трактор тарахтит,
всем нам портит аппетит.

Убежать бы, но куда?

Всюду строят города.

ЛОСЬ

Сохатый по косматой чаще

Свои рога устало тащит.

Он славно дрался.

Кончен бой.

Уже не радуется победа...

Глухой и злобный рев соседа

Протяжно умер за спиной.

Рисунок О. Недзвецкой



Не успели они так сказать, из-за деревьев и на этот раз вышел в сопровождении слуг правитель нового края. Он тоже слышал слова братьев и тоже был поражен ими.

— Ничего нет удивительного, — объяснил ему старший. — Такая маленькая нога бывает только у женщины. А следы ведут в тень.

— В траве лежит браслет, который она потеряла. Браслет недорогой, — добавил средний.

— И все-таки, потеряв браслет, она не ушла, если бы все ее мысли не были заняты ребенком. Ему она дала поиграть браслетом, и это он потерял его, — закончил младший. — А носят детей, как ты знаешь, за спиной...

«О-о, как они хитры и образованы. Что если они захотят убить меня и сесть на мой трон? — подумал правитель. — Нельзя отпускать их живыми...»

И он приказал отвести братьев к себе в дом, подарил всем троим красные одежды и попросил их надеть на ночь.

Братьям эта просьба показалась подозрительной и, ложась спать, они постелили одежды на полу. Только они это сделали, как из окон на одежды посыпался град стрел — это слуги выполнили приказ своего господина убить гостей.

Не теряя времени, братья незаметно выскользнули из дома и отправились глухими тропинками дальше на восток.

Шли они шли и наконец достигли берега океана. Здесь на пути им встретился город, правитель которого уже подчинился султану Занзибара. Он радушно принял братьев и, выслушав их рассказ, предложил остаться на несколько дней в своем дворце.

Однако надо сказать, что он не очень-то поверил тому, что рассказывали братья, и чтобы удостовериться в их уме, решил вечером подслушать их беседы.

Он спрятался за колонной во дворце и стал слушать.

Братья разговаривали.

— Мне кажется, что мясо телят, которыми нас здесь угощают, не настоящее, — сказал старший.

— И заморское вино, которым поят, тоже ничего не стоит, — добавил средний.

— А правитель хотя и выводит свою родословную от султанов Занзибара, не тот, кем хочет казаться! — закончил младший.

При этих словах его правитель в гневе вышел из-за колонны и воскликнул:

— О, странники! Так вот как вы платите мне за гостеприимство? Как можете вы сомневаться в истинности того, что слышали или получили здесь? Если окажется, что вы хоть в чем-то неправы, вам не сносить головы!

И, хлопнув три раза в ладоши, он приказал привести всех дворцовых слуг. Услышав в чем дело, дворцовый повар упал на колени.

— Смилуйся, господин! — завопил он. — Ты приказывал эти дни готовить к обеду мясо телят, но у меня не было под рукой телятины, и я нанизал на вертел бок старой коровы!

— О повелитель! — взмолился и дворцовый виночерпий. — Заморские вина я раздал своим родственникам, а к столу наливал в сосуды местное дешевое вино.

Не успел правитель решить, что ему делать с мошенниками, как в комнату вошла его мать — она тоже пряталась за колонной и тоже слышала все. Она сказала:

— Сын мой, не гневайся на пришельцев. Это правда: ты не сын моего покойного мужа, который был родственником султана. Ты мой сын от первого брака. Этот брак я долго скрывала. Твой отец принадлежал к славному королевскому роду, владения которого расположены в Эфиопии. Это можно заметить по легкой черноте твоего лица... Но разве по прошествии стольких лет это имеет какое-либо значение?

Правитель не мог сердиться на братьев. Он дал им парусную лодку доу, и она доставила всех троих на остров Занзибар. Там они провели остаток лет, умножая не богатство, а мудрость.

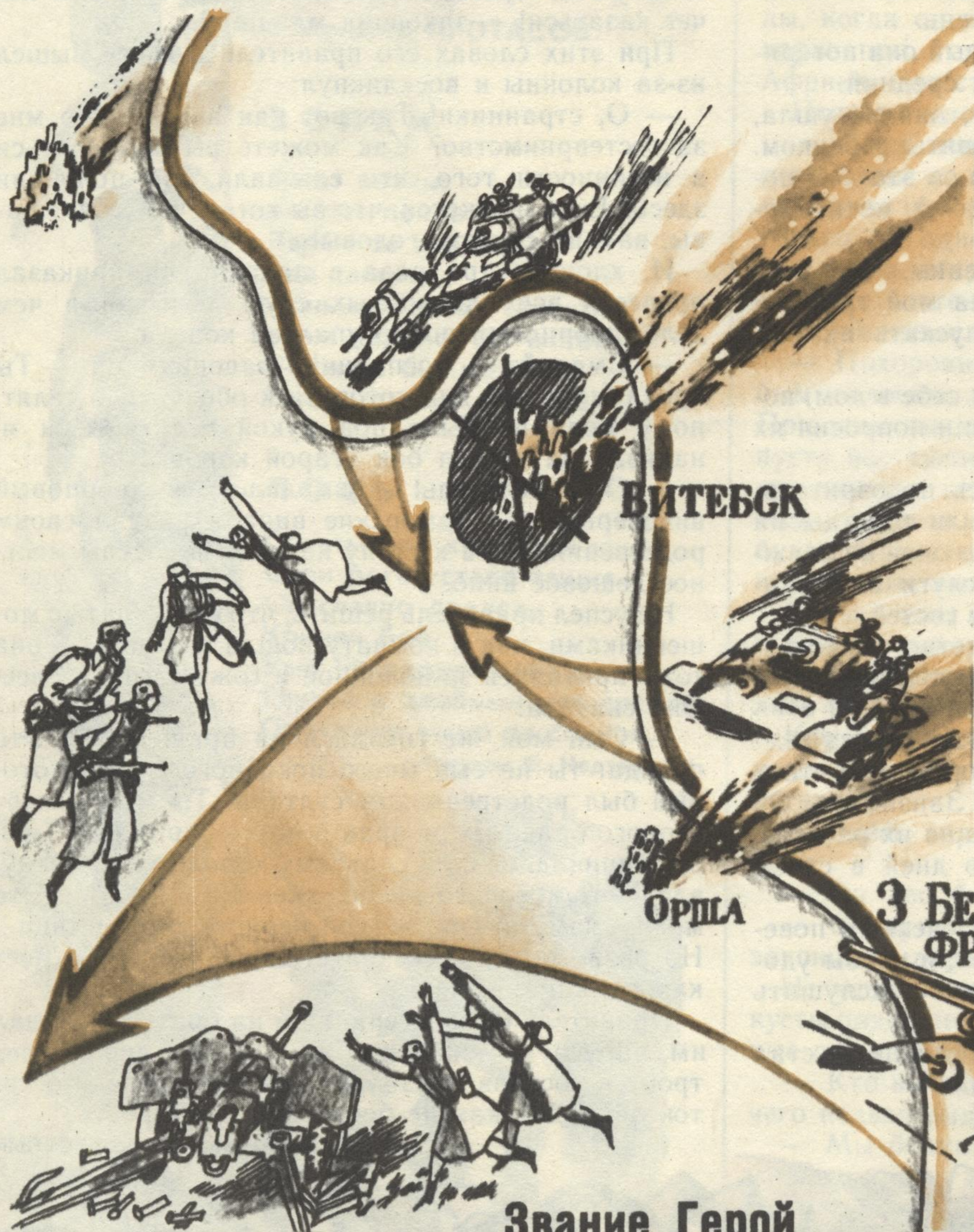
Пересказал Макар ВЕСЕЛЫЙ





ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Главный консультант Герой Советского Союза генерал-лейтенант Д. А. МЕДВЕДЕВ



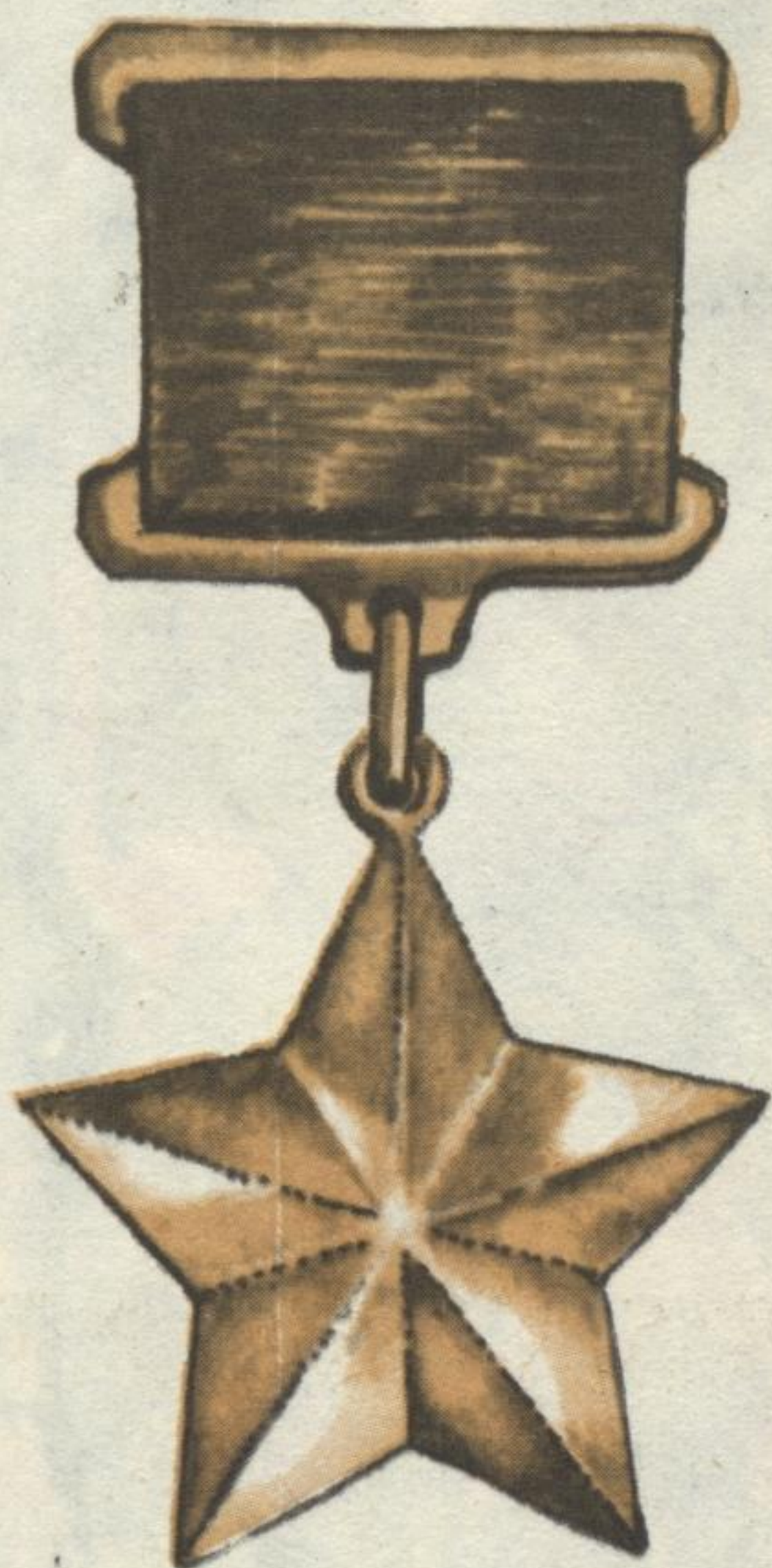
40 ЛЕТ НАЗАД ВИТЕБСКО-ОРШАНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 1944 г.

Операция эта была частью крупномасштабной операции по освобождению Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. На рисунке-схеме показано, как войска 1-го Прибалтийского фронта под командованием И. Х. Баграмяна и войска 3-го Белорусского фронта — (командующий И. Д. Черняховский) громили левое крыло фашистской группы армий «Центр». В ходе боев наши войска продвинулись на 80—150 км, окружили и разгромили в районе Витебска 5 дивизий врага.

Сражение это характерно тем, что в направлении главного удара с советской стороны было сосредоточено огромное количество бронетанковых и механизированных войск.

3 БЕЛОРУССКИЙ
ФРОНТ

Звание Герой Советского Союза и медаль „Золотая Звезда“



50 лет назад в 1934 году было установлено звание Герой Советского Союза. А с 1939 года лицам, удостоенным этого высокого звания, вручался особый знак отличия — медаль «Золотая Звезда».

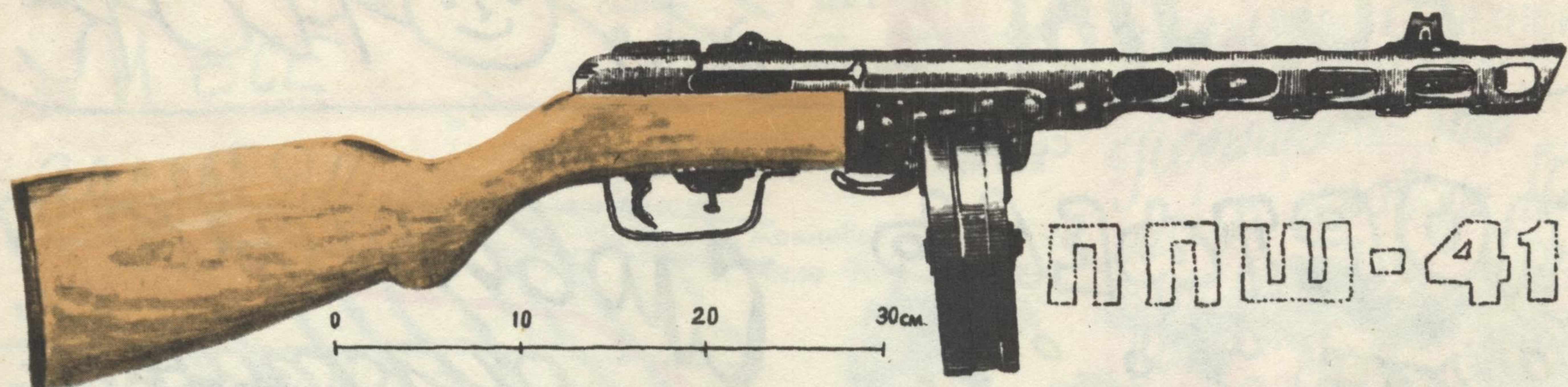
За подвиги в Великой Отечественной войне звания Герой Советского Союза получили более 11,5 тысяч воинов.

Медаль «Золотая Звезда» под номером первым — у летчика Ляпишевского.

КОНКУРС ЮНАРМЕЙЦЕВ- СТРЕЛКОВ

1. Что такое малокалиберная винтовка?
2. Какие существуют основные положения для стрельбы из винтовок?
3. Что означают выражения: «взять «ровную мушку», «крупную мушку», «мелкую мушку»?
4. Какая винтовка прослужила русской, а потом и Советской Армии больше 60 лет?

ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ



ППШ-41

Это простое, надежное и совершенное для своего времени оружие появилось в Красной Армии в самый первый год Великой Отечественной войны. Его создателем был Георгий Семенович Шпагин. Пистолет-пулемет Шпагина

(ППШ-41) предназначался для ближнего боя (прицельная дальность — до 500 м) и имел скорострельность около 1000 выстрелов в минуту. Весил автомат вместе с дисковым магазином 5,3 кг. Магазин вмещал 71 патрон. Па-

троны применялись пистолетные, образца 1930 г.

Верно служил автомат нашей армии все долгие годы войны. С этим автоматом на груди поднимали над рейхстагом знамя Победы наши бойцы.

ИЗ ИСТОРИИ

РУССКОЙ

АРМИИ

ЕГЕРЯ

Егерь в переводе с немецкого значит «охотник», «стрелок». Первые егерские полки, т. е. полки легкой пехоты и легкой кавалерии появились в 18 веке. Набирались они из охотников и хороших стрелков.

В России первый егерский батальон был сформирован П. А. Румянцевым во время Семилетней войны. К 1812 году в русской армии было 2 гвардейских и 50 армейских егерских полков.

В бою егеря действовали рассыпным строем, ведя прицельный огонь. Вооружение егерей — нарезные ружья, кинжалы, ножи.

Конные егеря производили разведку, осуществляли различные рейды и поиски.

Рисунки
Б. Аникина



ВЕСЕЛЫЙ ЗВОНОК

Составил и оформил Л. Каминский

ПОРТФЕЛЬ



Я шел по улице. От мороза тротуар был скользким, и прохожие ступали осторожно, чтоб не упасть. Вдруг я увидел картину: розовощекий школьник ногой толкал впереди себя желтый ученический ранец. Ранец легко скользил по тротуару, опережая мальчика на пять-шесть метров. Мальчик догонял свой портфель и опять с удовольствием пинал его ногой. Сначала ранец, а потом и мальчик поравнялись со мной.

— Послушай,— сказал я,— тебе, что, не жалко?

— Чего?— не понял он.

— Тебе не жалко пинать ногой свой портфель?

— Ааа... А это не мой.

— Как не твой?

— Мой другой, черный. А это Васьки Тимошкина.

— Понятно,— догадался я.— А у Васьки, значит...

Из-за угла показался другой мальчик. Ногой он пинал черный ранец.

К. ЛЕОНИДОВ

Словарный диктант

У Кольки Петрова завидный талант — Он пишет отлично словарный диктант. А мне с языком не везло никогда: Пишу, как и слышу, слова через «А»:

акотник, акно,
агарод, агурец,
матор, матацки,
малаток, маладец!

Мне Колька заметил: «Ты пишешь не то, Пусть слышится «А», ты пиши через «О»! — Понятно,— сказал я и начал писать. Не так уж и сложно отличником стать!

палатка, понала,
пальто, продовец,
покет, поссожир,
поутина... КОНЕЦ!

Ирина ПЛАКСИНА

КОСТИК ХВОСТИК



Рисунки К. Кюфа

СИДЕТЬ,
ХВОСТИК!
ПРЫЖОК С
ТРАМПИНА —
НЕ СОБАЧЬЕ
ДЕЛО...



КОНКУРС

« И ВСЕ ЗАСМЕЯЛИСЬ »



На уроке истории нам было дано задание написать сочинение о Куликовской битве. Причем нужно было представить, что мы сами были участниками этой битвы, и описать наши личные впечатления от боя.

В конце урока учительница прочла нам сочинение Васи Галушкина. Оно было очень коротким: «В бою мне очень не повезло. В самом начале меня ранило, а когда я очнулся, битва уже закончилась!»

И все засмеялись!

Лена Хаустова
и Оксана Яковчук,
6 класс, с/з «Берликовский»
Кокчетавской обл.



Шел урок немецкого языка. Эмилия Яковлевна сказала:

— Я вам задавала на дом составить рассказ — меню на один день. Коля Воробьев, пожалуйста, зачитай нам свое меню.

Длинный и худощавый Коля начал по-немецки:

— Я ем на завтрак булочку с сыром... — и замолчал.

— Дальше, — попросила учительница. Коля продолжал молчать.

— Все ясно, — сказала Эмилия Яковлевна, — наш Коля сел на диету!

И все засмеялись!

Алла Огородникова,
Заводоуковск
Тюменской обл.



— Сегодня, — сказала учительница русского языка, — мы будем выполнять упражнения из учебника. Откройте учебник и найдите упражнение 58...

— Можно вопрос? — поднял руку Боря с задней парты. — А упражнение списывать письменно или устно?

И все засмеялись!

Толя Федоров,
8 класс,
Новочебоксарск



Мы проходили сказки Пушкина. Шел разговор о «Сказке о рыбаке и рыбке». В это время Сережа, сидевший за первой партой, решил заглянуть в классный журнал, который лежал на столе учительницы.

— «Чего тебе надобно, старче?» — громко сказала Мария Васильевна.

— Ничего... — робко ответил ученик, и все засмеялись.

Андрей Петров,
Воткинск
Удмуртской АССР

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ ШКОЛЬНИХ СОЧИНЕНИЙ

Портрет — это
лицо человека,
который
висит
на стене.



Улыбав вы-
стрел, заяц
решил, что
он убит, и
убежал.

В комнате
топились
печка. В
ней было
уютно и
тепло.

Во время грозы
старушка спрятала
голову под подуш-
ку и держала ее
там, пока она не
кончилась...



Византия получила
из восточных стран
шелк и другие пряно-
сти.

Отрывки прислали:
Алла Серякова (Кузнецк),
Сергей Дубик (Новосибирск),
Аня Серова (с. Большое Туманово),
Марина Панарина (Ижевск),
Миша Сельдешев (Кемерово)



ШТАБ АРЧЕБЕКА СООБЩАЕТ

1. Соревнование разведчиков за спортивный разряд, диплом и приз продолжается. Все писавшие заявку включены.

2. Прием в разведчики АРЧЕБЕКА и в турнир «Олимпийский-84» еще не закрыт. Каждый, кто не боится испытать силу, и каждый, кто боится, но наберется храбрости и отправит на открытке заявку («Прошу принять меня...» и т. д.), будет принят.

3. Приглашаются все, все, все!

ОЛИМПИЙСКИЙ-84

К сражениям второго тура приступить!

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крf4, Фf3, Лh5; черные: Крг6.

Б. Белые: Кра1, Фh8, Лg4, п.h7; черные: Крh1, Сb7.

Цель разведки: дать черному королю мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки: в решении двухходовой задачи требуется найти такой первый ход, который по данным разведки обеспечит мат при любых ответах черных.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: с3, с5, d4, е3, g3, h4; черные: а3, а5, а7, е7, g7, h6.

Б. Белые: а3, d2, d4, f2, g1, g3, h2; черные: а5, b6, с7, е5, f6, g5, h6.

Цель разведки: и в А и в Б (автор Валерий Пирюткин, Ростов-на-Дону) выявить путь к победе белых.

Разъяснение обстановки: здесь победу приносит комбинация. Кто не знает, что такое шашечная комбинация, и хочет узнать, должен обратиться (на отдельной открытке) к шахмат-капитану Пешкоедову.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 27, 34, 36, 42, 43; черные: 11, 13, 23, 24, 31.

Б. Белые: 18, 22, 41, 42, 46, 48, 49; черные: 8, 9, 10, 11, 19, 36, 39.

Цель разведки: найти за белых победные комбинации.

Разъяснение обстановки: при выполнении этих боевых заданий нужно

применять правила МШ. О них читайте ниже.

КИОСК „МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

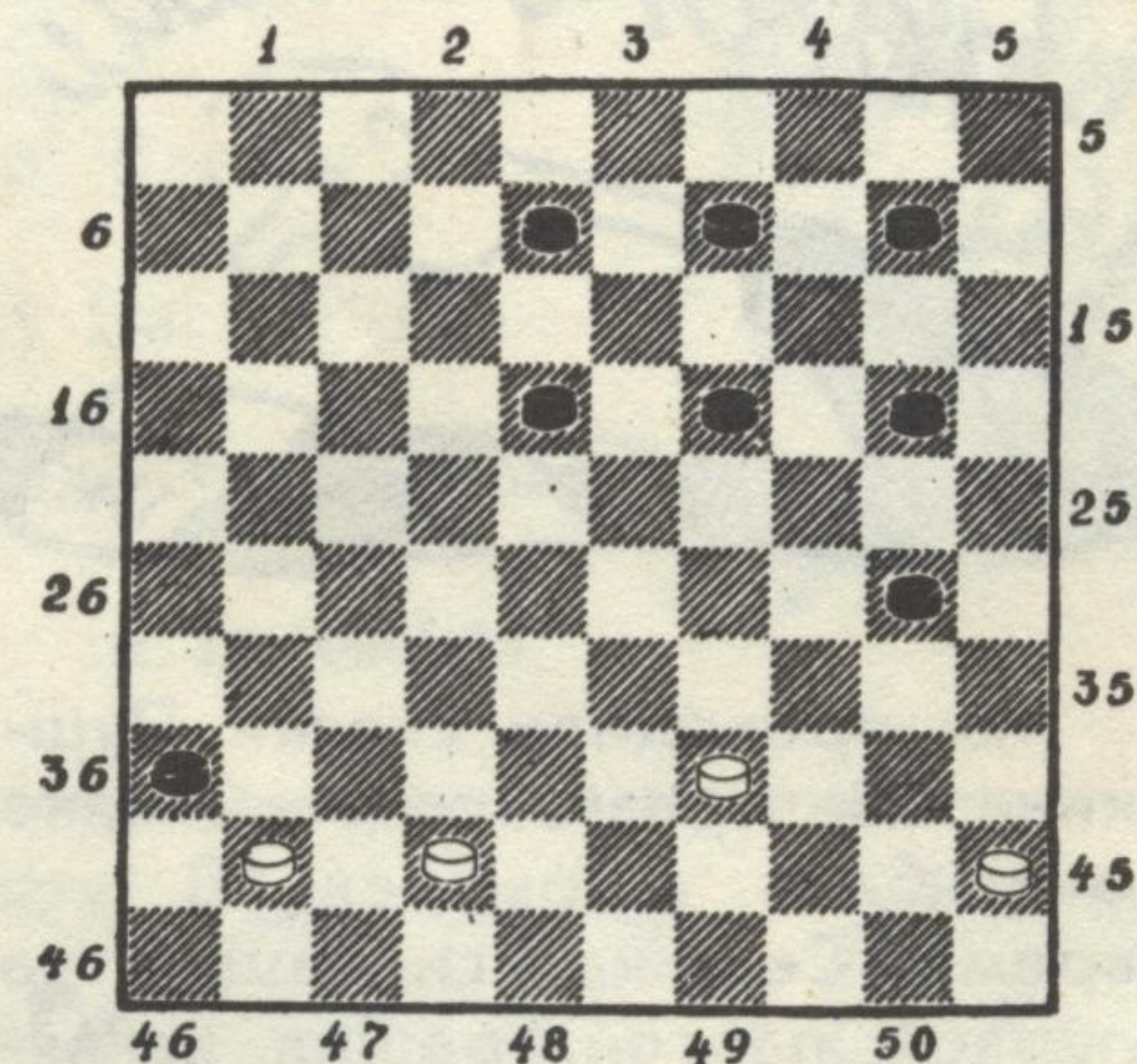
— Чем международные шашки (МШ) отличаются от русских (РШ)?

— Доской (100 клеток, а не 64), количеством шашек (20 белых и 20 черных) и тремя правилами при взятии:

Первое. При нескольких возможностях удара обязательно бить там, где бьется больше шашек.

Второе. Если простая с удара попадает на дамочное поле и может еще дальше бить как простая, то она, не останавливаясь, продолжает бить, но в дамку не превращается — остается простой.

Третье. Если простая с удара попадает на дамочное поле, а дальше бить как простая не может, то она останавливается и превращается в дамку, которая получает «дамочные права» после ответного хода противника.



Черные напали на шашку 41. Вот как белые, опираясь на правила МШ, используют это: 1. 42—38! Черные бьют 36:47 (простая превращается в дамку, но останавливается: третье правило). 2. 39—34! (теперь по первому правилу черные обязаны бить большинство) 47:40. А тогда

3. 45:5X. Но, может быть, белые могли и сразу пойти 1. 39—34? Нет! Черные побьют бы 36:38 (по второму правилу их шашка осталась бы простой), и победа ускользнула бы от белых.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

1. Сыграй 25 партий (не за один раз) и напиши рапорт о результате (проигрышей не бойся!).

2. Запомни силу фигур: если пешка — единица, то слон или конь — три единицы, ладья — пять единиц, ферзь — девять единиц. Теперь ты можешь определять, кому выгоден тот или иной размен.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 10. Уголок заядлых спорщиков. Фигуры нужно поставить так — белые: Крс2, п.е5; черные: Крс6, п.d7. Прав был Коля: белые добиваются ничьей — 1, е6! de (не помогает и 1... d5 2. Крд3 и т. д.) 2. Крд2! Крд6 3. Кре2! О том, когда в подобных окончаниях пешку провести удастся, а когда — нет, прочитаешь в «Костре» № 3. **Задание резерву.** Белые спасаются — 1. Ла7 Крб3 2. Лf7! Лh8 3. Лh7! и т. д.

«Костер» № 11. Из кладовой теории. В выигрышную зону входят поля а3, а4, а5, b3, b4, b5, с3, с4, с5, d1, d2, d3, d4, d5, е1, е2, е3, е4. **Стол находок.** А. 1. db6! 2. cd6!X; Б. 1. dc7! 2. е7 d6 3. с3!X; В. 1. 17! 2. 14!X; Г. 1.4! 2. 44! 3. 4:22:39:49X. Призеры будут названы в «Костре» № 6.

ПРИКАЗ № 2

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем разведчикам отправить рапорты с решением боевых заданий до 1 мая.

§ 2. Рапортовать только на открытках (почтовых карточках)!

§ 3. В левом верхнем углу рапорта указать номер тура и свой пароль.

Шахмат-адмирал Ферзьбери





УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ГИБКОСТИ

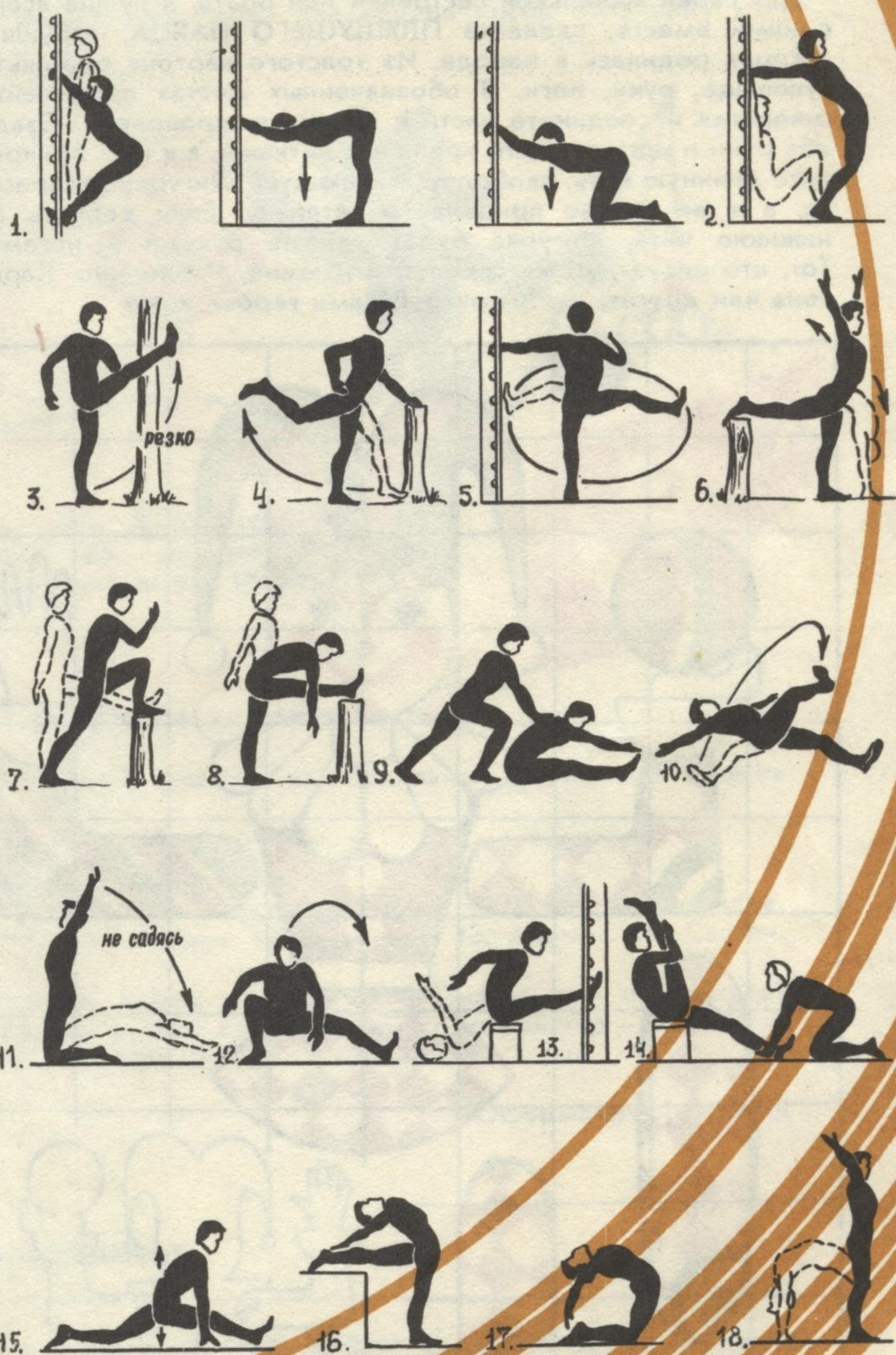
Приступать к упражнениям, развивающим гибкость, необходимо после разминки, продолжительность которой зависит от экипировки спортсмена и температуры воздуха.

В процессе разминки следует использовать различные виды бега, спортивные и подвижные игры.

Подготовка мышц и связок к выполнению предлагаемых упражнений — одно из условий предупреждения травм.

1. Стоя у гимнастической стенки, руками взяться за рейку на уровне груди, наклоны вниз. Упражнения для плечевого пояса и грудной клетки в разных вариантах, по 10—12 раз каждое.
2. Из положения приседа у гимнастической стенки выходы в мостик, по 10—12 раз.
3. Стоя у опоры, мах ногой вперед-вверх, 12—15 раз каждой.
4. Стоя у опоры, мах ногой назад-вверх, 12—15 раз каждой.
5. Стоя боком к гимнастической стенке, мах влево-вправо, 12—15 раз каждой.
6. Одна нога на опоре сзади. Прогнуться назад и выполнить наклон вперед к ноге, стоящей на полу, 10—12 раз к каждой ноге.
7. Стать на полу на правую ногу, левая прямая на опоре. Согнуть левую, выполнить выпад на опору и вернуться в исходное положение, 10—12 раз к каждой ноге.
8. Стоя на левой ноге, — правая прямая на опоре, наклоны 10—12 раз к каждой ноге.
9. Сесть на пол, ноги врозь, наклоны вниз-вперед, 10—12 раз.
10. Лечь на пол, правую ногу отвести в сторону. Махом правую положить на пол с левой стороны и обратно в исходное положение, по 10 раз каждой.
11. Стоя на коленях, прогнуться назад, достать руками пол, 8—10 раз.
12. Основная стойка — ноги шире плеч. Сесть на правую — левая в сторону прямая, встать и сесть на левую ногу, 12 раз.
13. Сидя на скамейке, положить ноги на гимнастическую стенку. Наклон назад и наклон вперед-вниз, 10—12 раз.
14. Сидя на скамейке, левая нога закреплена, взяться руками за голень, наклониться назад, подтягивая ногу руками к туловищу, 10 раз каждой ногой.
15. Шпагат (покачиваясь 8—10 раз на каждую ногу).
16. Стоя на правой, левая сзади на опоре, прогнуться назад и достать руками правую ногу, 8—10 раз каждую ногу.
17. Стоя на коленях, прогнуться назад и достать руками пол, 8—10 раз.
18. Из основной стойки выполнить мостик, — можно из положения лежа на полу, — 10 раз.

Тренировку провел
старший тренер спортклуба Иван Ильич ГРЕБЕНЩИКОВ



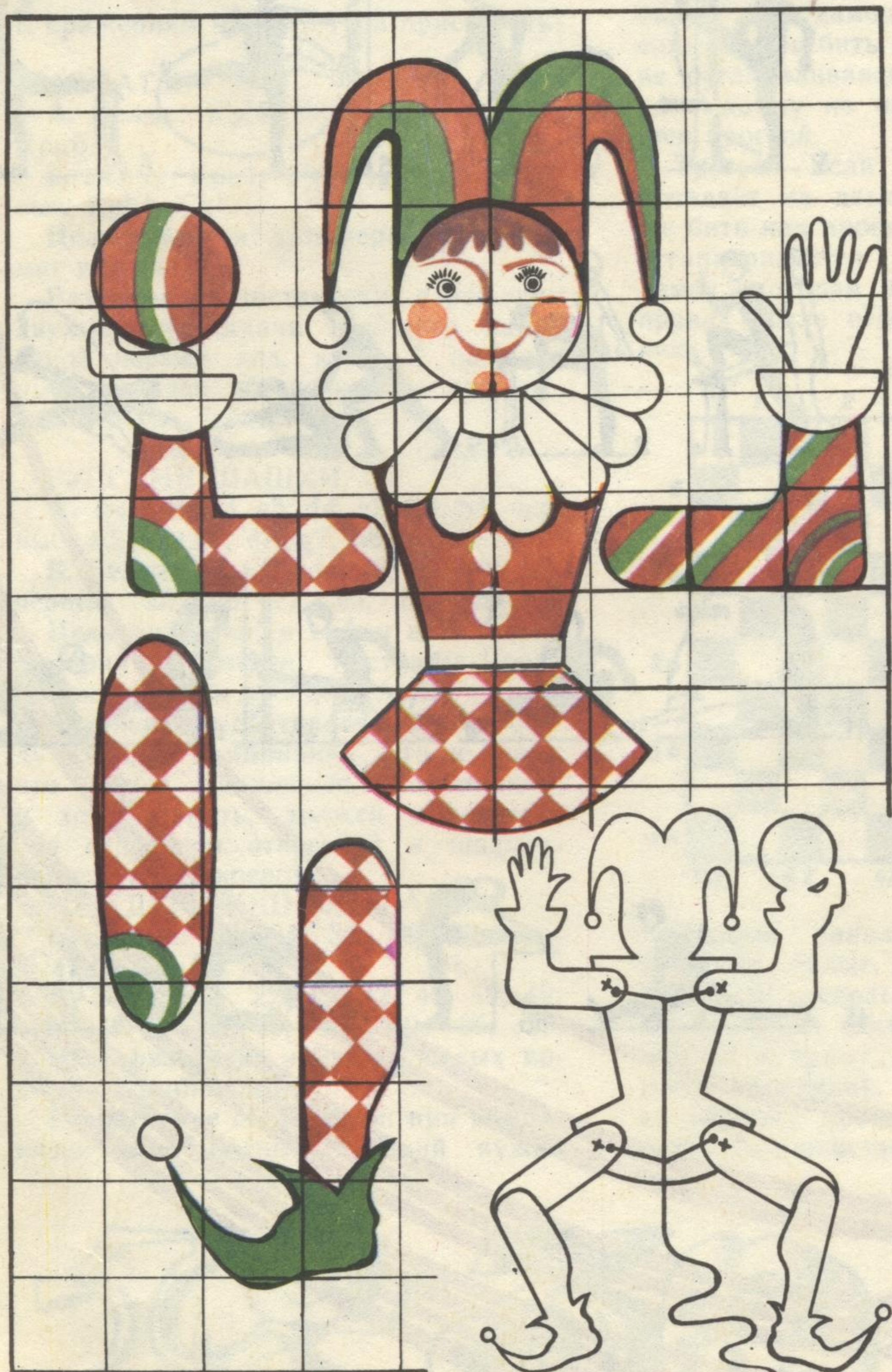


Рисунки Т. Петуховой

Каждый год в своих письмах девочки меня спрашивают: что подарить маме, сестре, бабушке в день 8 Марта (в день рождения, Новый год и т. д.). И снова я отвечаю вам, как и прежде. Лучший подарок тот, который сделан своими руками, а не куплен в магазине на мамины же деньги. Давайте попробуем к 8 Марта испечь маме пирожные.

ПЕСОЧНОЕ ТЕСТО можно купить в кулинарии или сделать самим. 100 г масла, 1/4 стакана сахарного песка и пол-яйца размешайте в миске до однородной массы. Если масло несоленое, добавьте немного соли. Всыпьте 1 стакан муки и рукой замешивайте тесто. Через 1—2 мин. оно готово. Если тесто нагрелось от рук, до разделки его охладите, чтобы хорошо раскатывалось. Для **КОЛЕЦ** или **ПОЛУМЕСЯЦЕВ** раскатайте тесто в пласт толщиной 7—8 мм и чашкой вырежьте лепешки, а рюмочкой — посередине отверстие. Чашкой же можно вырезать и «полумесяц». Поверхность смажьте желтком и посыпьте рубленым миндалем или другим орехом, смешанным с сахаром (можно корицей или маком с сахаром). Выпечка — 15—20 мин. Температура выпечки для всех этих пирожных 240—250°.

Для своей маленькой сестренки или брата, а лучше всего с ними вместе, сделайте **ПЛЯШУЩЕГО ПАЯЦА**, игрушку, которая родилась в народе. Из толстого картона вырежьте туловище, руки, ноги. В обозначенных местах проделайте отверстия и соедините части с помощью проволоки. Сзади обе руки и ноги свяжите крепкими нитками, а к ним прикрепите длинную нить, свободно свисающую. Фигурку раскрасьте, а к ее голове приделайте петельку. Если дернуть за нижнюю нить, фигурка будет двигать руками и ногами. Тот, кто рисует, может сделать Буратино, Чипполино, Карлсона или других, любимых ребятами героев книг.



Рисунки Ю. Беломлинской

РИМСКИЙ полководец Гай Юлий Цезарь приказал украсить щиты и оружие своих солдат драгоценностями.

— Зачем? — удивились подчиненные.

— Чтобы солдатам жалко было их бросать при отступлении, — объяснил Цезарь.



К **ЗНАМЕНИТОМУ** парижскому врачу пришел человек, который жаловался на непреодолимую скуку.

— Ничто не может развеселить меня! — говорил он. — Охота, скачки, балы, — повсюду тоска.

— О, я знаю способ! — воскликнул врач. — Отправляйтесь в цирк на представление клоуна Кларетти. Обхохочетесь!

— Увы, я и есть тот самый Кларетти, — ответил больной.



У **ПИСАТЕЛЯ** Зощенко выходила первая книга „Рассказы Синебрюхова“. Наборщики читали ее вслух, и вся типография хохотала. Это был замечательный успех молодого автора, но... все так смеялись, что часть тиража переплели в обложку чужой книги, и в таком виде отправили в магазин для продажи.



Конкурс клуба «За семью печатями» продолжается!

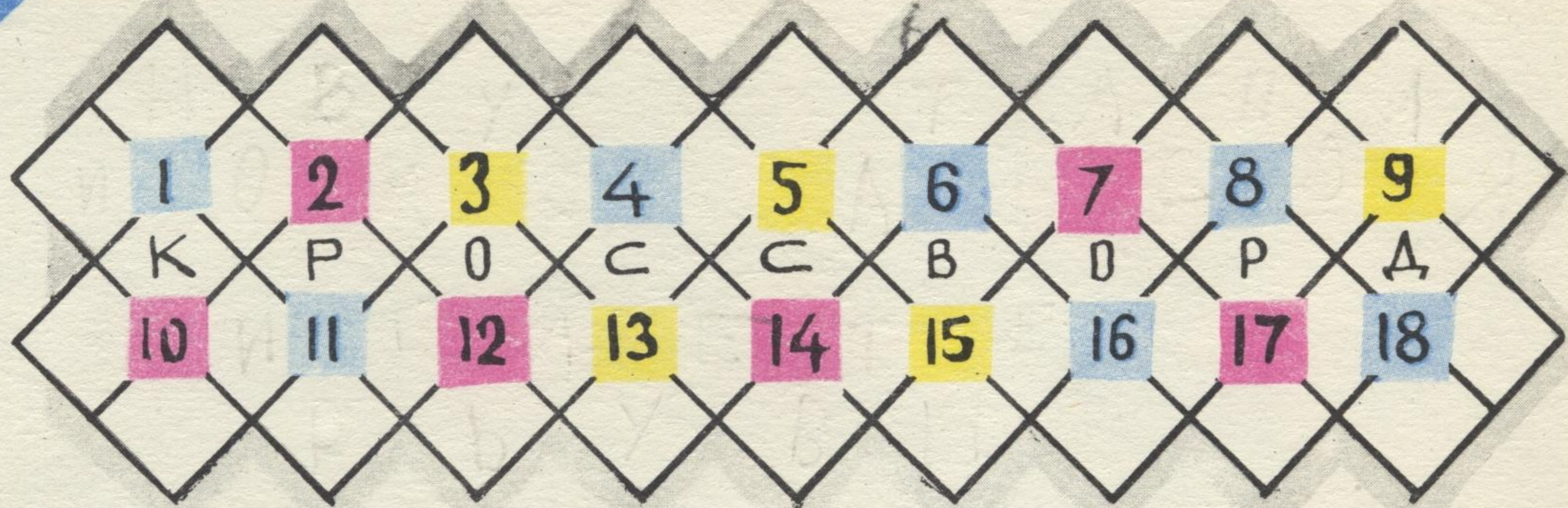
Напоминаем условия конкурса. Рядом с каждым заданием стоит цифра — количество очков, которое вы сможете набрать, решив задание.

Победителей ждут подарки и почетные грамоты, тех, кто пришлет самый интересный и подробный ответ, — особые призы.

ГДЕ НАХОДЯТСЯ ЗАТОНУВШИЕ КОРАБЛИ!

В романе Жюль Верна «20 тысяч лье под водой» путешественники на «Наутилусе» видят затонувшие корабли, которые словно висят в воде, не опускаясь на дно и не поднимаясь на поверхность. Жюль Верн объяснил это тем, что вода на больших глубинах так уплотнена, что не дает кораблям опуститься.

Но прав ли великий романист? Тот, кто ответит на этот вопрос, может записать себе **10 очков**.



В этом кроссворде слова читаются вокруг цифр по часовой стрелке. Вписать надо только три буквы. Одна уже есть, но начало каждого слова отыщите сами. Кто разгадает все слова, получит в зачет конкурса **7 очков**.

1. Один из любимых вами видов искусства. 2. Дом, пристанище. 3. Учебное занятие. 4. Сооружение из нескольких венцов бревен. 5. Специальное приспособление на корабле, с помощью которого поворачивают реи. 6. Единица мощности электрического тока. 7. Место хранения меда у пчел. 8. Горячая дискуссия. 9. Часть чего-либо. 10. Тюк. 11. Город в Германской Демократической Республике — родина Карла Маркса. 12. Кровельный материал. 13. Город в Восточной Азии. 14. Западный ветер. 15. Американский писатель, автор книги «Приключения Тома Сойера». 16. Полевой рабочий в странах Латинской Америки. 17. Река в Грузии. 18. Женское имя.

Ответы высылайте не позже, чем через две недели после получения этого номера журнала.



Профессор Синицын проспал 2 часа (так как будильник зазвонил в 12 часов ночи).

Заяц. Медведь. Лиса. Волк. Белка. Сова. Мышь.

Чайнворд «По страницам любимых книг».

1. Алиса. 2. Айртон. 3. Незнайка. 4. Аладдин. 5. Нильс. 6. Суок. 7. Кандидов. 8. Ватсон. 9. Немо. 10. Олег. 11. Гаврик. 12. Королева. 13. Арамис. 14. Салтан. 15. Насреддин.

Гроссмейстера в комнате во время игры не было. Значит, сын отца может играть с отцом сына только в том случае, если гроссмейстер — женщина. Следовательно, брат гроссмейстера обыграл в шахматы ее мужа.

Оформление А. Януса

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. С. КУЗИН, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-35017. Сдано в набор 05.11.83. Подписано к печати 13.01.84. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,8. Печать офсетная. Тираж 836 000 экз. Заказ 1587. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

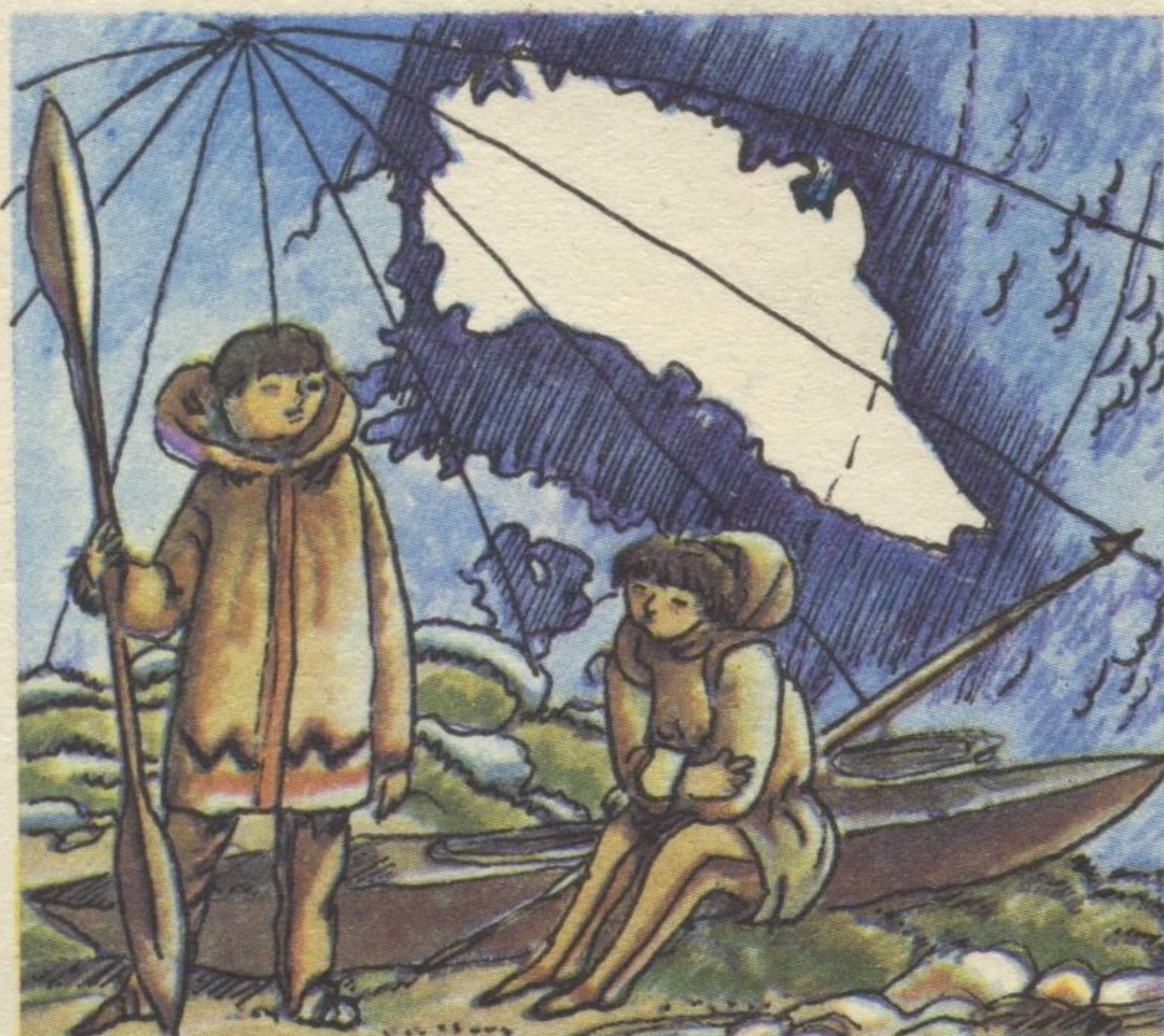
ВИКТОРИНА С РИСУНКАМИ

30 к.
Индекс 70445

Дорогие ребята! Судя по письмам, которые вы прислали на викторину с рисунками в 1983 году, она вам очень понравилась. Продолжаем ее. Школьные уроки и книги помогут вам ответить на эти вопросы.



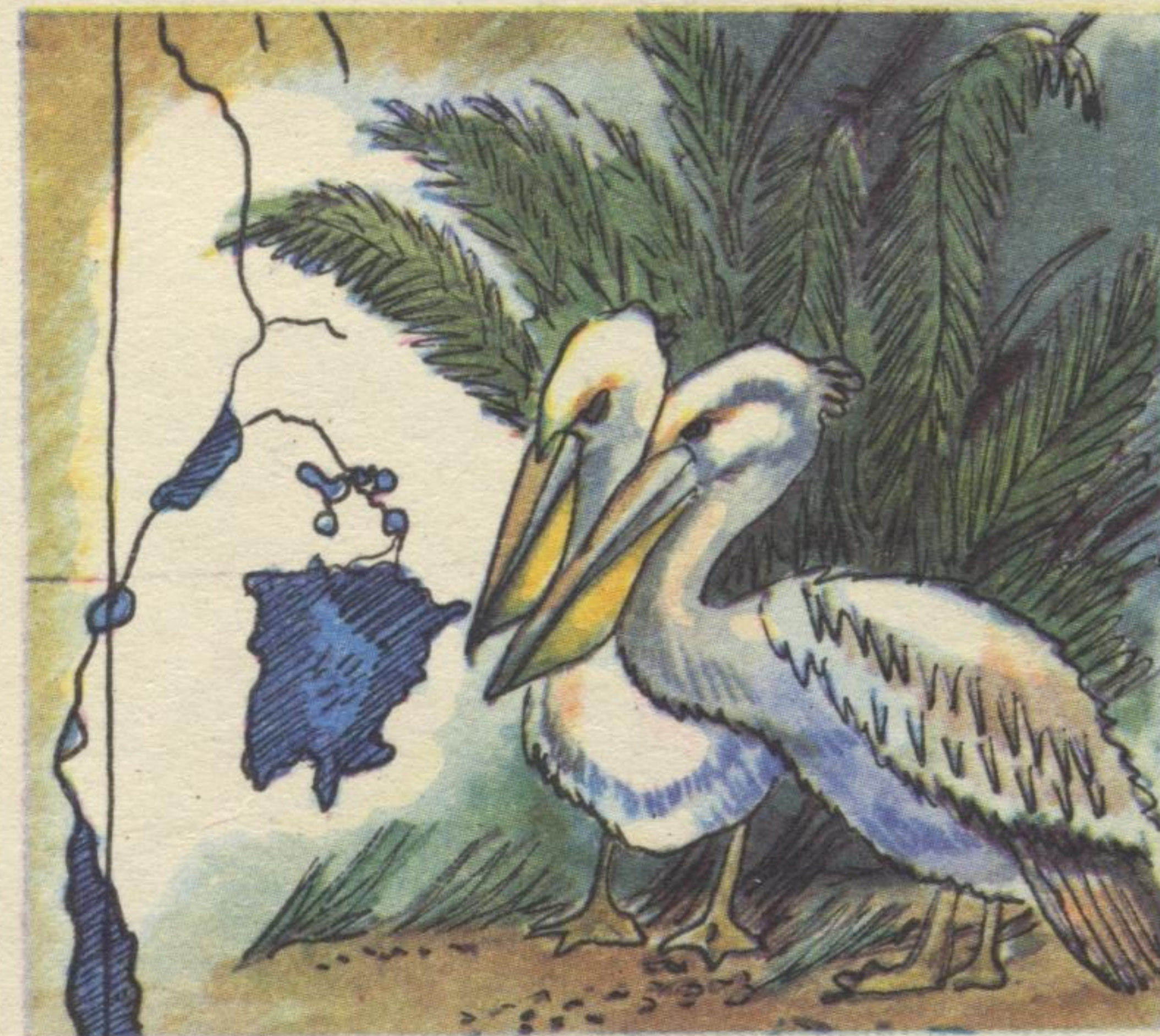
108
Это восточный берег острова
Остров разделен проливом У
этих берегов зимовал и был раздавлен
льдами в 1596 году корабль



Это остров Отсюда
до полюса всего километров.



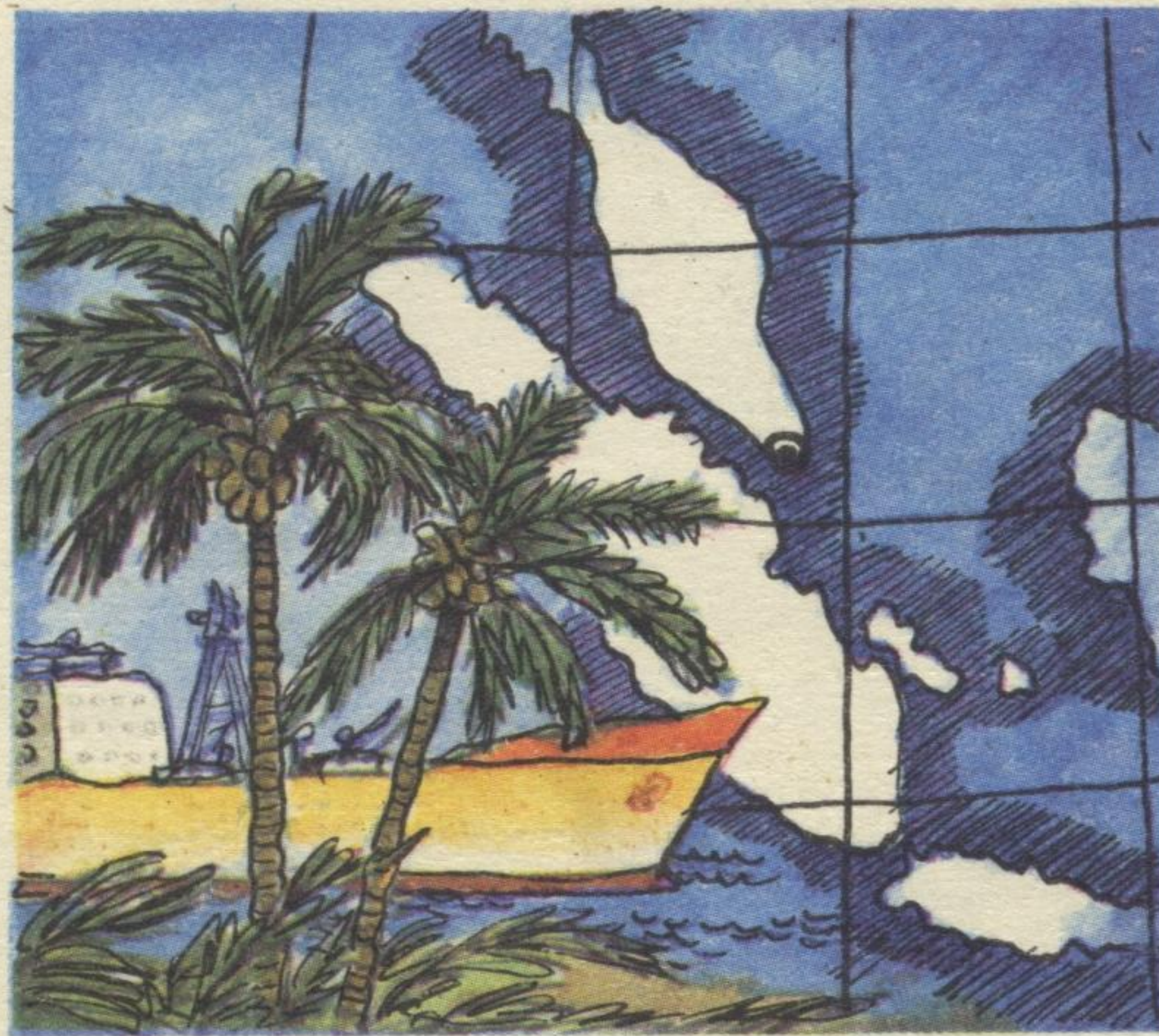
Устье реки Его называют
губа. Значком отмечено место, где
300 лет тому назад стоял самый се-
верный в мире город



Это истоки реки Три боль-
ших озера это —
В них водятся крупные водные живот-
ные и



На этом острове прожил 4
года моряк, который стал про-
тоотипом Робинзона Крузо. Справа
берег государства



Это город и государство
Он лежит почти на самом,
это значит, что климат здесь

Перепишите подписи, заполнив в них пропуски. Пришлите ответы по адресу:
193024, Ленинград, Мытнинская ул., д. 1/20, «Костер»—«Викторина».
Победители будут награждены подарками.